

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. П. ОГАРЁВА»

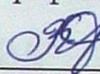
Филологический факультет

Кафедра русского языка

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

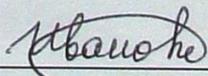
д-р филол. наук, проф.

 В. В. Шигуров

«05» июня 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

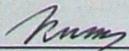
**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ
В ЖИТИИ И ЭПИСТОЛЯРИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА**

Автор магистерской диссертации 01.06.2017 С. А. Иванова

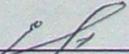
Обозначение магистерской диссертации МР-02069964-45.04.01-05-17

Направление 45.04.01 Филология

Руководитель работы

д-р пед. наук, проф. 06.06.2017 В. П. Киржаева

Нормоконтролер

канд. филол. наук, доц. 02.06.2017 Н. И. Ершова

Рецензент

канд. пед. наук, доц. 05.06.2017 Е. А. Дрянгина

Саранск

2017

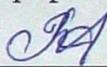
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. П. ОГАРЁВА»

Филологический факультет
Кафедра русского языка

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филол. наук, проф.

 В. В. Шигуров

«04» сентября 2015 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ

(в форме магистерской диссертации)

Студент С. А. Иванова, 202 группа

1 Тема Вербализация средневекового правового сознания в Житии и эпистолярной протопопе Аввакума.

Утверждена приказом № 10431-С от 10.12.2015 г.

2 Срок представления работы к защите 01 июня 2017 г.

3 Исходные данные для научного исследования «Житие протопопы Аввакума, им самим написанное», челобитные царю Алексею Михайловичу и царю Федору Алексеевичу; юридические документы XVII века: Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Стоглав, Номоканон 1654 г., Указы царя Алексея Михайловича; лексикографические источники: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, «Словарь русского языка XI – XVII вв.», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковый словарь древнерусских юридических терминов» М. А. Исаева, «Полный церковный словарь» прот.

Г. М. Дьяченко, «Большой юридический словарь» под ред. А. Я. Сухарева, «Этимологический словарь русского языка» М. Р. Фасмера, «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова; лингвистические, правовые, культурологические исследования русского средневекового правосознания

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Введение

4.2 Правовое сознание средневековой Руси и средства его выражения как предмет научного исследования

4.2.1 Правовое сознание как предмет междисциплинарного исследования

4.2.2 Изучение терминологии позднего русского средневековья

4.2.3 Основные аспекты научного исследования Жития протопопа Аввакума

4.2.4 Основные аспекты научного исследования челобитных протопопа Аввакума

4.2.5 Изучение ключевых лексем и их полевой структуры

4.3 Правовые коллизии и документы в Житии и челобитных протопопа Аввакума

4.3.1 Правовые коллизии и документы в Житии протопопа Аввакума

4.3.1.1 Правовые коллизии в Житии протопопа Аввакума

4.3.1.2 Отражение церковного и светского законодательства XVII века в Житии протопопа Аввакума

4.3.2 Правовые коллизии, отраженные в челобитных протопопа Аввакума

4.4 Полевое исследование правовой лексики в Житии и челобитных протопопа Аввакума

4.4.1 Правовая лексика в Житии протопопа Аввакума

4.4.1.1 Семантика правового термина *отступничество* в Житии

4.4.1.2 Семантика правового термина *блядь* в Житии

4.4.1.3 Семантика правового термина *проклятие* в Житии

4.4.1.4 Семантика правового термина *ляти* в Житии

4.4.1.5 Семантика правового термина *мятеж* в Житии

4.4.2 Терминология права в челобитных протопопа Аввакума

4.5 Ключевые слова в Житии и челобитных протопопа Аввакума

4.5.1 Ключевые слова в Житии протопопа Аввакума

4.5.1.1 Ядерная зона семантико-правовой лексики в Житии протопопа Аввакума

4.5.1.2 Приядерная зона семантико-правовой лексики в Житии протопопа Аввакума

4.5.1.3 Периферийная зона семантико-правовой лексики в Житии протопопа Аввакума

4.5.2 Ключевые слова в челобитных протопопа Аввакума

4.5.2.1 Ядерная зона семантико-правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума

4.5.2.2 Приядерная зона семантико-правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума

4.5.2.3 Периферийная зона семантико-правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума

4.6 Заключение

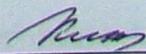
4.7 Список использованных источников

4.8 Приложение

Руководитель работы

д-р пед. наук, проф.

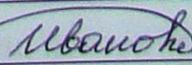
04.09.2015

В. П. Киржаева

Задание принял к исполнению

04.09.2015

С. А. Иванова

РЕФЕРАТ

Выпускная квалификационная работа содержит 119 страниц, 1 таблицу, 173 использованных источников, 1 приложение.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ЖИТИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, АВВАКУМ, ДОКУМЕНТЫ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ЧЕЛОБИТНЫЕ, ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, ОТСТУПНИК, БЛЯДЬ, МЯТЕЖ.

Предметом исследования являются сюжетные, структурные и лексические средства вербализации средневекового русского правового сознания.

Цель работы – выявление и описание основных средств вербализации правового сознания позднего русского средневековья в Житии и челобитных протопопа Аввакума.

В процессе работы использовались своды законов конца XVI – XVII века, комментарии к законодательным актам и историко-фактологические и текстологические комментарии к Житию и челобитным, различные документы, связанные с отраженными в Житии и челобитных правовыми коллизиями. Для анализа ключевых терминов Жития и челобитных привлекались различные лексикографические и терминографические источники.

В результате исследования выявлены и проанализированы сюжетные коллизии, отраженные в Житии и челобитных, содержащие описание правонарушений по законодательству XVII века, документы, цитируемые или упоминаемые в Житии (челобитная, царский указ, сказка), и ключевые правовые термины (*блядь, лаяти, мятеж, отступничество, проклятие*).

Степень внедрения – частичная.

Область применения – в создании словаря-справочника средневековой русской юридической, в том числе церковно-правовой, терминологии, в комментировании Жития и эпистолярия протопопа Аввакума.

Эффективность – углубление знаний по исторической лексикологии.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
1 Правовое сознание средневековой Руси и средства его выражения как предмет научного исследования	13
1.1 Правовое сознание как предмет междисциплинарного исследования.....	13
1.2 Изучение терминологии позднего русского средневековья	19
1.3 Основные аспекты научного исследования Жития протопопа Аввакума.....	22
1.4 Основные аспекты научного исследования челобитных протопопа Аввакума.....	27
1.5 Изучение ключевых лексем и их полевой структуры.....	29
2 Правовые коллизии и документы в Житии и челобитных протопопа Аввакума	32
2.1 Правовые коллизии и документы в Житии протопопа Аввакума.....	32
2.1.1 Правовые коллизии в Житии протопопа Аввакума	32
2.1.2 Отражение церковного и светского законодательства XVII века в Житии протопопа Аввакума.....	42
2.2 Правовые коллизии, отраженные в челобитных протопопа Аввакума.....	47
3 Полевое исследование правовой лексики в Житии и челобитных протопопа Аввакума.....	52
3.1 Правовая лексика в Житии протопопа Аввакума.....	52
3.1.1 Семантика правового термина <i>отступничество</i> в Житии.....	53
3.1.2 Семантика правового термина <i>блядь</i> в Житии.....	58
3.1.3 Семантика правового термина <i>проклятие</i> в Житии.....	60
3.1.4 Семантика правового термина <i>ляти</i> в Житии.....	63
3.1.5 Семантика правового термина <i>мятеж</i> в Житии.....	64
3.2 Терминология права в челобитных протопопа Аввакума.....	66

4	Ключевые слова в Житии и челобитных протопопа Аввакума.....	69
4.1	Ключевые слова в Житии протопопа Аввакума.....	69
4.1.1	Ядерная зона семантико-правовой лексики в Житии протопопа Аввакума.....	69
4.1.2	Приядерная зона семантико-правовой лексики в Житии протопопа Аввакума.....	79
4.1.3	Периферийная зона семантико-правовой лексики в Житии протопопа Аввакума.....	82
4.2	Ключевые слова в челобитных протопопа Аввакума.....	90
4.2.1	Ядерная зона семантико-правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума.....	90
4.2.2	Приядерная зона семантико-правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума.....	92
4.2.3	Периферийная зона семантико-правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума.....	93
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	95
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	98
	ПРИЛОЖЕНИЕ А Грамматические формы лексемы «отступник».....	118

ВВЕДЕНИЕ

Тема магистерской диссертации – «Вербализация средневекового правового сознания в Житии и эпистолярии протопопа Аввакума».

Предметом исследования в магистерской диссертации являются сюжетные, структурные и лексические средства вербализации средневекового русского правового сознания.

Источником исследования являются «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (редакции А, Б, В, а также Прянишниковский список) и челобитные царю Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Житие, созданное Аввакумом в заключении в Пустозерске в 1672 – 1675 годах, по общему мнению исследователей, отражает разрушение канонических рамок агиографического жанра, стилистическое и лингвистическое новаторство автора. Благодаря наличию многочисленных картин реального быта с обилием правовых коллизий, упоминанию юридических документов и терминов эпохи, как Житие, так и челобитные протопопа представляют ценный источник выявления и описания средств вербализации правосознания средневекового человека.

Не меньшую ценность в контексте нашей проблематики имеют челобитные протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу и царю Федору Алексеевичу, написанные в период с 1664 года – по 1676 год. В своих посланиях Аввакум обращается не только и не столько с прошениями о заступничестве, о корме, о милосердии, сколько в стремлении убедить самодержца отступить от реформы церкви и вернуть старое благочестие, что придает публицизм данным документам и характеризует их также чертами жанра поучения. Помимо этого послания содержат описание правовых коллизий, являющихся примером правового сознания XVII века.

В ходе анализа элементов Жития и эпистолярия, отражающих правосознание XVII века, использовались своды законов, действовавших в

конце XVI – XVII веках (Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Стоглав, Номоканон 1654 г., Указы царя Алексея Михайловича 1648 г. о запрещении «бесовских игрищ» и колдовских ритуалов; 1653 г. «О запрещении колдовства и хранения отреченных книг и заговоров»), комментарии к законодательным документам (историко-правовые комментарии А. Г. Манькова к Соборному уложению 1649 г., Т. А. Опариной, Н. Н. Харузина к Указам царя Алексея Михайловича) и историко-фактологические и текстологические комментарии к Житию и эпистолярию (Н. К. Гудзий, Н. С. Демковой, А. Н. Робинсона); различные документы, связанные с описываемыми в Житии и челобитных правовыми коллизиями (челобитные дьяка Ивана Струны, царские указы о ссылках Аввакума и возвращении из ссылки, сказка Аввакума и других «ревнителей благочестия», заключенных в Пустозерской тюрьме). Для анализа ключевых терминов Жития и челобитных привлекались различные лексикографические и терминологические источники: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, «Словарь русского языка XI – XVII вв.», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковый словарь древнерусских юридических терминов» М. А. Исаева, «Полный церковный словарь» Г. М. Дьяченко, «Большой юридический словарь» под ред. А. Я. Сухарева, «Этнографический словарь “Славянские древности”» Н. И. Толстого, «Этимологический словарь русского языка» М. Р. Фасмера, «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова.

Цель магистерской диссертации – выявление и описание основных средств вербализации правового сознания позднего русского средневековья в Житии и челобитных протопопа Аввакума.

Конкретные задачи исследования:

- изучение научной литературы по теме;
- анализ правовых – в соответствии с законодательством XVII века – коллизий в сюжете Жития и структуре челобитных Аввакума;

– выявление и описание правовых документов в структуре Жития протопопа Аввакума;

– выявление и анализ ключевых правовых терминов в Житии и челобитных;

– полевой анализ ключевых лексем.

Научное изучение личности Аввакума, его Жития и эпистолярия имеет большую и многоаспектную историю. Творчество протопопа исследовалось историками государства и религии (В. В. Зеньковский, Н. И. Ивановский, Н. Ф. Каптерев, И. Ф. Нильский, С. М. Соловьев и др.), историками и культурологами русского старообрядчества (К. Я. Кожурин), историками литературы (А. К. Бороздин, В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, В. Е. Гусев, Н. С. Демкова, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев, А. И. Мазунин, В. И. Малышев, О. Е. Осовский, О. Ю. Осьмухина, А. Н. Робинсон и др.), историками культуры (Ю. П. Зарецкий), философами (П. Ю. Нешитов), историками языка (В. И. Борковский, В. В. Виноградов, В. М. Иванова, З. И. Набокина, А. А. Потебня, С. И. Соболевский, В. А. Чернов, А. А. Шахматов, С. Г. Шулежкова и др.).

Отметим, что с точки зрения отражения в Житии и эпистолярии правового сознания своей эпохи памятники не изучались, как не привлекались они и для изучения терминологии права, что позволяет говорить **об определенной научной новизне исследования.**

Необходимо указать, что исследование правовых аспектов жизни средневекового общества строится не только на материалах деловой письменности, но и на памятниках древнерусской словесности, в частности, историки государства, права, культуры, языка (Е. К. Абрамова, В. А. Аракчеев, Н. Г. Благова, В. В. Есипов, В. М. Живов, М. И. Кушнир, М. А. Момина и др.) широко используют как источник русские летописи и другие памятники древнерусской литературы. Житийная литература также становится фактологической основой для изучения различных аспектов истории русского средневековья. В обзоре по этой проблеме В. П. Киржаева приводит авторитетные мнения Д. С. Лихачева о характере жанрообразования

древнерусской литературы, в соответствии с которым «литературные жанры выполняют естественнонаучные, богослужебные, богословские, юридические, исторические и другие функции» [Лихачев 1989: 104], и В. В. Виноградова об использовании правовой терминологии в неспециальных средневековых текстах: «выражения и образы обычного права, юридические формулы и термины, фразеологические обороты государственного делопроизводства <...> используются в литературных произведениях и подвергаются стилистической обработке» [Виноградов 1978: 269]; а также конкретный пример использования житийных текстов как нормативных источников в работах Н. Л. Пушкаревой [см.: Киржаева: 90]. Говоря об обоснованности «обращения к житийной литературе как источнику не только древнерусской правовой повседневности, но и юридической терминологии» [там же], автор статьи демонстрирует ее на примере анализа Жития патриарха Никона, в ходе которого сюжетные, структурные и лексические элементы текста позволяют представить черты русского правового сознания XVII века.

В своей работе мы опираемся на этот подход к исследованию.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: описательный, анализ, классификация фактического материала, сравнительно-сопоставительный, герменевтический, метод полевого исследования.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в создании словаря-справочника средневековой русской юридической терминологии, также в комментировании Жития и эпистолярной протопопы Аввакума.

Апробация. Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и прошли апробацию на Международных (II Международная научная конференция «Русский язык в контексте национальной культуры», Саранск, 2012, XVII Международная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 2014), всероссийской (Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Русский язык в диалоге культур», Саранск, 2017), внутривузовских (XL Огаревские

чтения, 2012; XLII Огаревские чтения, 2014; XLIII Огаревские чтения, 2015) конференциях, научных семинарах (междисциплинарный научный семинар «Древнерусская юридическая терминология в зеркале истории языка, права и культуры», Саранск, 2013, 2014, 2015) и научной сессии (VIII Научная сессия «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, лингводидактики», Москва, 2014). По теме исследования опубликовано 8 статей.

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников, приложения.

1 Правовое сознание средневековой Руси и средства его выражения как предмет научного исследования

1.1 Правовое сознание как предмет междисциплинарного исследования

Исследование категории правового сознания актуально для системы гуманитарных наук в целом, поскольку отражает существенный аспект социальной жизни человека в конкретном обществе конкретного периода, однако наибольшую степень ее разработанности представляет юридическая наука.

В современном правоведении данная категория рассматривается, с одной стороны, как составляющая более широкой категории – правовой культуры. Так, по мнению В. В. Диаконова, правосознание является частью правовой культуры и представляет собой форму общественного сознания, идеальное представление о правовых явлениях в сознании общества, то есть совокупность представлений людей о праве как явлении социальной жизни [см.: Диаконов]. Выделяя три вида правосознания: обыденное, основанное «на здравом смысле и жизненном опыте людей»; профессионально-юридическое, основанное «на специальном образовании и юридической практике»; «научное правосознание ученых-правоведов, базирующееся на систематизированном научном знании», – ученый имплицитно учитывает и эволюцию субъективного видения человека «об объективном праве», что существует «в настоящем, существовавшем в прошлом и должном существовать в будущем» [там же]. С другой стороны, правосознание определяется как собственно правовая категория: «категория теории государства и права и криминологии, означающая сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правозначимые явления и обусловленную правозначимыми ценностями, представлением должного правопорядка»; при этом подчеркивается ее

обусловленность «социально-экономическими условиями жизни общества, его культурно-правовыми, демократическими или авторитарными традициями» [БЮС: 420].

Таким образом, можно говорить о базовом представлении для понимания категории правового сознания в современной юридической науке то, что по своей сущности правосознание идеально и носит субъективный характер, проявляясь в поступках, в действиях конкретного индивида или группы людей; но оно представляет собой отражение правовой реальности, материальных отношений, формируется самим обществом. При этом правосознание общества является объективным по отношению к индивиду или группе людей.

В русской традиции философской и правовой мысли разные вопросы правового сознания исследовались И. А. Ильиным, Б. А. Кистяковским, П. И. Новгородцевым, Л. И. Петражицким, В. С. Соловьевым, Б. Н. Чичериным и др. [см. подробнее: Демченко]. Правосознанию посвящен огромный корпус исследований современных правоведов [см. обзор научной литературы по проблеме: Абдурахманова; Каландаришвили; Мигущенко; Петрулевич].

В контексте нашей работы наиболее важной представляется сложившаяся в науке оценка междисциплинарного характера этой категории. В частности, Р. С. Байниязов в диссертационном исследовании «Правосознание и правовой менталитет в России», выделяя теоретико-методологические, мировоззренческо-идеологические, эмоционально-волевые, культурологические аспекты правосознания, разрабатывает духовно-культурологическое направление в изучении теории правового сознания. По его мнению, правосознание – «прежде всего, фундаментальное духовное образование, которое определяет последующее развитие правовой действительности, и оно выходит за рамки юридической грамотности и догмы» [Байниязов].

Подчеркивая специфику реализации правосознания в конкретных исторических условиях государственно-правовой жизни, Г. С. Киселев считает, что именно эволюция правосознания имеет всеохватывающий характер и

служит основанием для выработки направления культурно-исторического, цивилизационного развития общества, права и государства [см.: Киселев: 23].

В диахроническом аспекте правовое сознание активно изучается в 2000-ые годы. Укажем на большой корпус диссертационных исследований, в которых разрабатывается историко-правовой аспект формирования правосознания на различных этапах развития российской государственности (особенно периода становления Советского государства) [см., например: Абдурахманова; Бахарева; Евстратов; Макарова; Рузин; Фролов]. Особый интерес в контексте нашей работы представляют диссертации О. Г. Щедрина, прослеживающего эволюцию русского правосознания как отражения этнической идентичности с дохристианского периода до периода активного влияния на него коммунистической идеологии [см.: Щедрин]; И. В. Пашенко, которая исследует характер эволюции категорий русского средневекового правосознания в философско-правовом аспекте [см.: Пашенко]; А. А. Нейстат, рассматривающий в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспекте влияние художественной литературы на формирование правосознания советской России первого послереволюционного десятилетия [см.: Нейстат]. В лингвистическом аспекте проблема формирования правосознания средствами массовой коммуникации, в частности, периодической печати на протяжении XVIII – 70-х годов XX века, анализируется В. В. Сергеевым [см.: Сергеев].

Т. И. Демченко в диссертации «Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни» обозначает не только важность изучения исторических корней правосознания, поскольку, как показывает ее исследование, именно древнерусское правовое сознание определяет особенности и характер современного российского правосознания; но и формулирует как одну из приоритетных задач современной науки создание целостной системы знаний о правосознании, отражающей наиболее полный спектр особенностей «национальной государственно-правовой жизни и культурно-исторического развития» [Демченко]. Для нашего исследования наиболее важными положениями работы Т. И. Демченко являются следующие:

во-первых, автор, формулируя особенности эволюции русского правосознания, выделяет в качестве основной наслаивание новых форм правосознания на предыдущие, а не их полную замену; во-вторых, круг источников исторического изучения правового сознания должен отражать не только собственно правовую сторону жизни, но включать мифологические, летописные, юридические памятники, религиозную, философскую, политико-правовую литературу, исследования социологов, психологов и др. [см.: Демченко].

В. А. Рогов на основе анализа истории государства и права России IX – начала XX веков приходит к выводу о том, что «религиозность русского сознания определила и религиозность правосознания, но не само право. На Руси право было изначально светским, так как обходило вопросы религии» [Рогов: 147], – и объясняет эту особенность «длительной борьбой язычества и христианства» [там же].

В. А. Аракчеев, анализируя события псковского восстания 1650 года, концентрирует внимание на их «иррациональных основах», в частности, неадекватном обмене информацией, который выявляется им на летописном материале, а главное – на материале анализа «Большой» челобитной грамоты, адресованной царю и ответной царской грамоты. По мнению ученого, «анализ этих текстов, составленных по горячим следам событий, способен пролить свет на глубинные причины конфликта, коренившиеся не только в сущностных противоречиях, но и прежде всего в мировоззрении, ментальности русского общества XVII в.» [Аракчеев]. Таким образом, В. А. Аракчеев обращает внимание на важность внутренних, в том числе и психологических, установок человека и общества, которые служат раскрытию понятия правового сознания эпохи.

Осознаваемая современной наукой необходимость расширения источниковой базы исследования средневекового правового сознания изучением древнерусских памятников письменности, причем, не только деловой, находит обоснование в характеристике функциональной сущности

древнерусской литературы, исследованной в филологии. Так, Д. С. Лихачев отмечал многофункциональность жанров Древней Руси («литературные жанры выполняют естественнонаучные, богослужебные, богословские, юридические, исторические и другие функции» [Лихачев 1989: 104]); В. В. Виноградов в работе «Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.» подчеркивает, что в содержании средневековых памятников отражены не только образы и проявления права, но и юридические термины и фразеология [см.: Виноградов 1978: 269].

Непосредственно проблема вербализации средневекового правового сознания рассматривается в статье В. П. Киржаевой «Вербализация средневекового правового сознания в Житии патриарха Никона», в которой автор, опираясь на историко-литературные и культурологические практики, обосновывает закономерность «привлечения житийной литературы для изучения различных аспектов русской истории средневекового периода» [Киржаева 2014: 90] с ее жанровой установкой на создание идеального образа героя-святого, демонстрирующего кодифицируемые обществом поведенческие нормы. В. П. Киржаева проводит комплексный анализ тех элементов текста, которые отражают черты правосознания своей эпохи: во-первых, «сюжеты, содержащие правовые коллизии» (они «передают правовую (в том числе криминальную) повседневность, но их интерпретация, безусловно, отражает уровень правового сознания автора и его героев»; во-вторых, «включенные в структуру жития документы», говорящие «об осознанной авторской стратегии, в соответствии с которой документ сопровождает изложение наиболее важных этапов жизни и деятельности патриарха и призван манифестировать их соответствие житийному канону»; в-третьих, это «лексические средства выражения <...> правовых понятий», представленные терминами [там же: 91, 94, 95].

С опорой на подход к исследованию проблемы, предложенный В. П. Киржаевой, в пяти статьях нами анализируются материалы Жития и челобитных протопопа Аввакума [Иванова 2014а; 2014в; 2015а; 2016а; 2016б].

На основе проведенного анализа научной литературы, можно сделать выводы об актуальности темы нашего исследования, ее междисциплинарном характере и, поскольку на материале Жития и эпистолярной протопопы Аввакума она не освещена, об определенной научной новизне.

1.2 Изучение терминологии позднего русского средневековья

Период позднего средневековья является важным этапом формирования терминологической системы русского права национального периода.

Юридические термины традиционного рассматриваются историками права XIX – начала XXI века при описании тех или иных памятников права, при анализе истории конкретных отраслей права (уголовного, гражданского, договорного и др.) или конкретных правовых понятий. Так, А. М. Богдановский анализирует понятия *преступление* и *наказание* в допетровскую эпоху, в том числе в XVII веке [см.: Богдановский]; Н. В. Калачов проводит анализ истории термина права вор и его производных [см.: Калачов]; Г. Г. Тельберг анализирует обозначения государственных преступлений, понятий уголовного права и наименований органов суда [см.: Тельберг]; Т. Г. Трофимович рассматривает названия лиц, находящихся в правовых отношениях [см.: Трофимович]; и др. Уложение привлекается, наряду с другими правовыми источниками, В. В. Есиповым, который, анализируя преступные действия, связанные с повреждением имущества, рассматривает семантику таких терминов, как *зажигательство*, *поджог*, *истребление огнем* [см.: Есипов]. И. А. Исаев освещает вопрос систем юридического права, исследует историю светского и церковного права, которое опиралось на систему норм, представленную в Кормчей книге, Правосудье митрополичьем, Стоглаве, грамотах и уставах, Соборном Уложении 1649 года, по материалам которого определяет семантику таких правовых терминов, как *ссылка из виноватых*, *общая ссылка*, *правеж*, *общий и повальный обыск*, *розыск*, *пытка* и др., дает классификацию преступлений и наказаний за них в их связи с традицией права, отраженной в доуложенных юридических актах [см.: Исаев 1994].

Особый интерес представляют публикации правовых памятников XVII века, которые сопровождаются обширными комментариями содержания конкретных статей и отдельных терминов, используемых в них, например, 5, 6

и 7 выпуски «Памятников русского права» (Соборное уложение, акты земских соборов, указные и уставные книги и др.) [Памятники 1957; 1959; 1963].

В истории русской лексики, в том числе специальной, XVII век определяется как период, заложивший основы современной терминологии. Так, Н. Г. Благова в докторской диссертации «Становление русской юридической терминологии в начальный период формирования национального языка», обосновывая значимость исследования правовой терминологии этого периода, пишет: в XVII веке формируется терминологическая система русского права, с намеченными особенностями семиологической системы, не случайно многие термины, которые активно использовались в XVII веке, актуальны сегодня (грабеж, порука, приговор, пристав, розыск и др.) [см.: Благова]. Автор подчеркивает важную роль для формирования новой правовой терминосистемы юридических памятников, в частности, Уложения 1649 года и «Новоуказных статей второй половины XVII века», анализ которых позволил в ходе исследования выявить одну из характерных тенденций формирования терминологии на базе использования общеупотребительной лексики и ее последующего терминологического закрепления [там же].

Соборное уложение 1649 года становится источником изучения правовой лексики и терминологии в большом числе исследований. П. Я. Черных ставит своей целью анализ фонетики, морфологии, графики и орфографии памятника, однако вполне закономерно рассматривает и явления, которые, по его определению, «уже вполне относятся к области лексики, а не фонетики московской приказной речи середины XVII в.» [Черных 1953: 217]. Речь идет о полногласных и неполногласных формах, в числе которых автор приводит и правовые термины *небережение, полон, полоненик, холоп, перек, преступив закон* и др. Акцентируем внимание на указании ученым научных перспектив: детальное изучение этой лексики «является одной из задач лексико-семантического и стилистического исследования памятника» [Черных 1953: 218]. С. И. Котков обозначает феномен единства административной терминологии и фразеологии, норм языка деловой

письменности, начавшееся с XV – XVI веков в связи с усилением централизации власти [см.: Котков]. Ф. П. Сороколетов прослеживает историю русских военных терминов и наименований [см.: Сороколетов].

Широкий круг памятников деловой письменности привлекается историками языка для анализа правовой лексики, в том числе и в аспекте ее терминологизации: Е. К. Абрамова исследует лексику расспросных речей [см.: Абрамова]; В. В. Введенский, В. В. Крючков – лексику делопроизводства Приказов по памятникам южно- и великорусского наречий [см.: Введенский]; С. С. Волков анализирует на материале челобитных XVII века обиходно-бытовую речь, ставшую базой литературного языка, в том числе и правовой терминологии [см.: Волков 1974; 2012]; И. А. Елизаровский по Беломорским актам XVI-XVII веков делает вывод об их терминологической лексике как «слепке новгородской терминологии» [см.: Елизаровский]; М. А. Момина исследует терминообозначения должностей и сословий в «Описании Китая» Н. Г. Спафария [см.: Момина]; Е. Г. Осокин подробно рассматривает термины таможенного права на материале грамот [см.: Осокин]; И. В. Токмачева на материале поручных записей исследует термины приказно-делового оборота *поручители*, *свидетели* и устойчивые выражения *круговая порука*, *дать на поруки* [см.: Токмачева]. В центре внимания В. М. Живова – проблема правового дуализма, взаимоотношения светского и церковнославянского права в Древней Руси, в результате которого сформировались две системы юридических терминов (церковнославянская, русская), и их эволюция на протяжении XI – XVIII веков [см.: Живов].

1.3 Основные аспекты научного исследования Жития протопопа Аввакума

Изучение личности и творчества протопопа Аввакума как крупнейшего деятеля раннего старообрядчества, писателя и публициста XVII века начинается в отечественной науке с 1860-х годов, что было связано, во-первых, с возросшим общественным интересом к социальным проблемам и, во-вторых, со снятием с «произведений» раскольников статуса запретных. Публикация Жития в 1861 году положила начало разноаспектному изучению проблематики, связанной с феноменом Аввакума, в аспектах истории государства и права, религии, литературы и языка.

Уже С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», исследуя раскольниковое движение, усматривает в личности Аввакума воплощение русского национального характера («протопоп-богатырь») и впервые отмечает важность научного изучения Жития, так как в нем переданы особенности эпохи [см.: Соловьев]. Благодаря изысканиям Н. М. Никольского в советский период, сочинения Аввакума, в том числе Житие, получили признание как ценнейшие исторические документы [Никольский].

В работах по истории русской православной церкви ученых XIX века Н. И. Ивановского, Н. Ф. Каптерева, И. Ф. Нильского религиозный протест Аввакума был оценен как бессмысленная попытка упрямого фанатика законсервировать общество [см.: Ивановский; Каптерев; Нильский]. Однако, по мнению публициста XIX века В. Г. Авсеенко, несмотря на всестороннюю разработку историками и этнографами темы раскола, она не может быть раскрыта без «литературной разработки» как тема о «совершенно» народном явлении [Авсеенко]. Французский дипломат, филолог-славист П. Паскаль, под влиянием идей октябрьской революции 1917 года переехавший в советскую Россию, увлекся личностью Аввакума, которого первоначально рассматривал как исторического предшественника большевиков, в докторской диссертации

«Архиепископ Аввакум и начало раскола» (1939 год) приходит к выводу, что духовная сила староверов продолжает питать и оживлять русскую культуру, несмотря на то, что гонения на последователей Аввакума продолжались вплоть до 1905 года [см.: Паскаль]. Современный исследователь истории и культуры русского старообрядчества К. Я. Кожурин представил старообрядческий взгляд на события второй половины XVII века, на раскол и личность Аввакума [см.: Кожурин].

Историко-правовой аспект становится основным в вызвавшей дискуссию статье историка литературы Е. О. Шацкого «Русская православная церковь и сожжения». По мнению автора, сожжение как мера наказания еретиков имело распространение в средневековой Руси: «Статистика сожженных в России включает, по разным данным, от нескольких сотен до нескольких тысяч, в основном, старообрядцев. <...> Сожжения производились светской властью в союзе с церковной» [Шацкий]. В качестве одного из доказательств верности своих выводов автор проводит анализ правового обоснования казни Аввакума: «14 апреля 1682 года были сожжены Аввакум и три его товарища по заключению: Феодор, Епифаний и Лазарь. В литературе часто упоминается мотивация приговора: “за великие на царский дом хулы”, но она взята не из официального документа, а из записок графа А. С. Матвеева, написанных уже после 1716 года. Сожжение на костре в законах того времени предусматривалось только за религиозные преступления и за поджоги (последнее обвинение, очевидно, было неприменимо к находящимся в многолетнем заключении четырем узникам). Исследователи справедливо связывают казнь с решениями церковного Собора 1681–1682 годов, предающими старообрядцев “градскому суду”» [Шацкий]. С. А. Зеньковский в книге «Русское старообрядчество» исследует источник «церковного конфликта» XVII века, одним из главных участников которого был протопоп Аввакум, и те процессы, что повлек за собой раскол [см.: Зеньковский].

Творчество протопопа Аввакума привлекает большой интерес отечественной филологической науки. Так, известный советский историк

древнерусской литературы В. И. Малышев, обнаруживший Прянишниковский список Жития и проведший детальное археографическое описание рукописей протопопа и их исторический и текстологический комментарий, поставил вопрос о важности их комментирования на уровне современного знания и обозначил перспективы сравнительного анализа уже известных авторских редакций, а также дальнейшей поисковой и археографической работы в связи с наличием еще неизвестных науке материалов, связанных с Аввакумом [см.: Малышев 1953; 1954; 1958; 1962; 1965; 1967; 1985]. Материалы В. И. Малышева использовали в своих работах Н. М. Герасимова, Н. С. Демкова, А. С. Елеонская, Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон и др. Так, Н. С. Демкова на основе широкого текстологического исследования пересматривает устоявшееся мнение на очередность редакций и делает вывод, что исходной является та, что представлена Прянишниковским списком [см.: Демкова 1969; 1974]. Данная точка зрения распространена в современной науке. В. Е. Гусев проводит текстологический анализ Жития, привлекая обширные материалы истории Руси XVII века, которые интерпретирует и в социологическом аспекте [см.: Гусев 1957; 1958].

Н. К. Гудзий, одним из первых начавший глубокое изучение творчества Аввакума в аспекте литературоведения, в работе «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» дает детальную характеристику историко-культурной ситуации середины и второй половины XVII века, одной из ключевых фигур которой является Аввакум [см.: Гудзий 1934б].

Одним из самых дискуссионных вопросов для отечественного литературоведения становится вопрос о жанровой принадлежности Жития, который имеет большое значение и в исследовании проблем языка и стиля этого произведения. Так, В. П. Адриянова-Перетц связывает его с учительским жанром, В. В. Виноградов – со словом, простодушно-деловым и народно-драматическим сказом, Н. К. Гудзий – с автобиографией, В. Е. Гусев – с романом, А. Н. Робинсон – с беседой-исповедью, исповедью-проповедью

[см.: Адриянова-Перетц; Виноградов 1958; 1980; Гудзий 1966; Гусев 1958; Робинсон 1958]. Д. С. Лихачев, рассматривая Житие в контексте эволюции жанра агиографии, выявляет как доминанту произведения раскрытие внутреннего состояния автора [см.: История; Лихачев 1970]. В отличие от сторонников абсолютного автобиографизма как ведущей авторской стратегии Жития, Д. С. Менделеева выявляет источники литературной традиции, отраженной в нем, в частности, историко-литературный сборник инок Абраамия «Христианоопасный щит веры», и анализирует приемы собственно Аввакумовой разработки заимствуемых представлений и мотивов [см.: Менделеева].

Разрабатывая проблемы организации формального и содержательного планов Жития, Н. М. Герасимов делает вывод о том, что протопоп обновляет библейские образы и распространяет сакральность на бытовое пространство, а само Житие выступает в качестве нового священного текста [см.: Герасимова]; Н. С. Выгон раскрывает аспект несатирического комизма в русской литературе XVII века [см.: Выгон]; О. Ю. Осьмухина описывает своеобразие функционирования феномена авторской маски [см.: Осьмухина].

О важности изучения Жития протопопа Аввакума для истории русского языка писали А. А. Потеня, С. И. Соболевский, А. А. Шахматов и др. Традиция анализа индивидуально-авторского стиля памятника была заложена работами В. В. Виноградова «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», «К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления», в которых он доказывает смешение и взаимопроникновение «книжно-славянской и народно-русской речевых стихий» в Житии [Виноградов 1958: 371], формулирует одно из первых жанровых определений сочинения Аввакума – «дружеская беседа» [Виноградов 1980: 8], анализирует народную символику и взаимодействие с ней церковно-библейских образов, выявляет принципы словоупотребления протопопом лексических единиц из различных стилистических пластов [см.: Виноградов 1958; 1980]. Проблемы индивидуального писательского стиля,

столь не характерного для литературы средневековья в целом, но проявляющиеся в творчестве Аввакума, рассматриваются в ряде статей В. Е. Гусева [см.: Гусев 1957; 1960].

О. Е. Осовский в статье «Обличение и приговор в эпистолярной прозе протопопа Аввакума», исследуя использование протопопом стратегий обличения и приговора в его челобитных царю Алексею Михайловичу, привлекает материал Жития, определяет разоблачительный пафос как характерную особенность стиля протопопа, причем, в Житии это «отчасти уравнивается» эмоциями и переживаниями Аввакума [Осовский: 107].

Фонетический аспект Жития рассмотрен в работе В. А. Чернова, предлагающего реконструкцию фонетической системы индивида по письменному памятнику [см.: Чернов]. З. И. Набокина рассматривает морфологический уровень языка Жития [см.: Набокина]. В различных аспектах синтаксический строй памятника анализируют В. И. Борковский [см.: Борковский], В. М. Иванова [см.: Иванова 1972], Э. И. Коротаева [см.: Коротаева], З. К. Тарланов [см.: Тарланов], Л. М. Черняк [см.: Черняк 1965; 1966], С. Г. Шулежкова [см.: Шулежкова 1979]. Отметим, что С. Г. Шулежкова преимущественно на материале произведений протопопа Аввакума исследует фразеологический состав памятников старообрядческой литературы второй половины XVII века [см.: Шулежкова 1974; 1976; 1981; 1993]. Г. Х. Гилязетдинова активно привлекает материал Жития, рассматривая проблему восточных заимствований в языке Московской Руси [см.: Гилязетдинова]. Н. В. Сафонова, реализуя принципы когнитивной лингвистики в исследовании проблемы «Ментальной и языковой репрезентации концепта *благо/добро* в русском языковом сознании», опирается на материалы Жития [см.: Сафонова].

1.4 Основные аспекты научного исследования челобитных протопопа Аввакума

Исследование челобитных протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу и молодому царю Федору Алексеевичу начинается в российской науке со второй половины XIX века, после снятия запрета на публикацию сочинений протопопа.

Так, С. А. Венгеров сопровождает издание сочинений 1889 года статьей «Аввакум Петрович», в которой дает описание челобитных как важнейшего источника изучения обстоятельств жизни протопопа и как ярчайшего явления русской литературы второй половины XVII века [Венгеров: 33].

Н. К. Гудзий во вступительной статье к изданию 1934 года сосредоточивает внимание на истории челобитной царю Федору Алексеевичу, пятой челобитной Алексею Михайловичу, в которой идет речь о видении протопопа. Отметим, что в издании 1934 года опубликованы полностью только первая, третья, четвертая и вторая половина пятой челобитной, а также челобитная царю Федору Алексеевичу [Гудзий 1934а].

В. Л. Комарович и Д. С. Лихачев, проводя анализ литературного процесса позднего русского средневековья, обращались к челобитным как маркерам новых тенденций в жанрообразовании [Комарович].

В. Е. Гусев в историческом экскурсе жизни XVII века в том числе опирается на фактологические материалы челобитных протопопа Аввакума, а также исследует сами документы, в том числе делая предположение о возможности рассмотрения первой челобитной царю Алексею Михайловичу в качестве наброска автобиографии протопопа [Гусев 1960].

А. Н. Робинсон проводит подробный анализ фактического, стилистического содержания челобитных [Робинсон 1963].

О дерзости «челобитной к Алексею Михайловичу» пишет и Н. С. Сарафанова [Сарафанова].

Глубокий анализ истории создания, целей, содержания челобитных протопопа содержится в работах А. С. Демина и Н. С. Демковой [Демин 1969; 1970; Демкова 2012].

Необходимо сказать о научных изысканиях эпистолярия протопопа Аввакума О. Е. Осовского, который дает анализ правовых коллизий, нашедших отражение в челобитных, структуры документов, особенностей стиля автора, обращая внимание на сохранение авторской установки в «разоблачении пороков», несмотря ни на адресат того или иного послания, ни на время и обстоятельства написания. «... тематика, характер адресата, время написания, – подчеркивает исследователь, – практически не влияют на авторскую интенцию разоблачения пороков и обличения религиозных и политических оппонентов» [Осовский: 118].

1.5 Изучение ключевых лексем и их полевой структуры

Содержание термина «ключевые слова», на первый взгляд, по-разному понимается исследователями в зависимости от стилевой принадлежности содержащего их текста. Так, в художественных текстах, по мнению В. В. Петровского, сущностной становится специфическая функциональная значимость слова и «ключевыми» выступают «слова, которые выражают главную идею текста и могут быть вынесены в заголовок, а также выделены графически» [Петровский]. А. П. Сковородников полагает характерной чертой ключевых слов их повторяемость в тексте, причем не только дословную, но и с грамматической вариативностью, что увеличивает смысловую «емкость текста» и позволяет глубже понять идейно-художественную структуру произведения [Сковородников 2003: 155]. В деловых документах ключевые слова представляют собой «текстовую формулу», несущую на себе его главную функцию и обуславливающую определенный «выбор слов», «конкретную сочетаемость и <...> грамматику словоформ» [Веселов]. Лексикографы ключевыми словами считают «опорные слова, которые, как своеобразные нити, связывают внутреннюю структуру тезауруса» [Караулов: 152]. Таким образом, разрабатывая данный термин в разностилевых источниках, в качестве его константы выделяют функцию отражения смысловой структуры «текста как целостного объекта» [Ягунова].

В аспекте нашего исследования интерес представляет терминологическое сочетание «ключевые слова текущего момента» – «слова и обороты, актуальные именно для данного, текущего, сравнительно короткого исторического периода развития общества» [Сковородников 2003: 156]. В «текущем моменте» в ядре социального сознания располагается определенный «фрагмент словаря», состоящий из наиболее значимых, обсуждаемых повсеместно понятий, что позволяет выделить как их «языковые приметы» частотность использования, позицию заголовка, формо- и

словообразовательную деривацию, широкие возможности реливации, наличие парадигматики и онимики, появление разнообразных дефиниций ключевых слов, выступление в роли объекта «вкусовых оценок (языковой рефлексии) и языковой игры», а также носителя особой черты – текстогенности [Шмелева 1993: 33, 40; Шмелева 2009].

В аспекте исследования ментальности народа ключевые слова представляют собой лексику, являющуюся доминантой «мыслительного процесса», отражающую «опорные понятия и символы», в которых выражены «идеи и представления традиционного <...> национального мировоззрения и мирозерцания» [Сковородников 1993: 272], при этом эти слова представляют открытые ряды с возможностью дальнейшей детализации [Сковородников 2003: 156]. Поскольку правовое сознание в наибольшей степени отражается в терминологии права соответствующей эпохи, необходимо отметить научный интерес к этому проблемному полю, который проявляется, в частности, в традиционном рассмотрении правовой терминологии при описании тех или иных памятников права, при анализе истории конкретных отраслей права или правовых понятий историками права XIX – начала XXI века И. Д. Беляевым, Э. В. Георгиевским, Н. Дювернуа, М. Ф. Владимирским-Будановым, В. И. Сергеевичем, М. А. Исаевым, Г. Е. Кочиным, В. В. Момотовым и др.

Несмотря на довольно длительную историю изучения полевого метода как объединения единиц языка не по всем вопросам выработано единое мнение. Так, А. М. Кузнецов определяет поле как совокупность лингвистических единиц, «объединенных общностью содержания <...> и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС]. Еще в XIX веке ученые лингвисты Г. Ипсен, М. М. Покровский, И. Трир говорили о том, что могут существовать лингвистические единицы, будучи объединенные по разнообразным критериям. Сам термин семантическое поле ввели в научный оборот Г. Ипсен и И. Трир. Полевой подход в исследовании языковых единиц позволяет изучать лингвистический материал

разнообразными способами. С применением полевого метода было проведено исследование Л. Вайсгербера и И. Трира понятийной лингвистической стороны с целью раскрытия «духовного мира», а также особенных свойств «национального характера». В работах Г. Ипсен, В. Порциг, А. Йоллес отражено исследование словарного состава языка как по семантико-синтаксическим, так и по лексико-семантическим объединениям лексем, также получили освещение вопросы омонимии и полисемии в различных языках.

Необходимо отметить, что за понятием *поле* стоит целый ряд разнообразных дефиниций: например, объем полисемантического слова или этимологические объединения лексем. В современной лингвистике не выработано единое научное мнение в вопросе полевого метода [Караулов 1967; Кобозева; Кодухов; ЭС, Поле].

2 Правовые коллизии и документы в Житии и челобитных протопопа Аввакума

2.1 Правовые коллизии и документы в Житии протопопа Аввакума

2.1.1 Правовые коллизии в Житии протопопа Аввакума

В сюжетах Жития представлены как противоправные, по оценке законодательства времени, так и соответствующие юридическим нормам действия, интерпретация которых автором выражает особенности древнерусского правового сознания.

В 1655 году Аввакум был отправлен в ссылку – в острог на реку Лену. Однако место ссылки меняется – Даурия, Забайкалье, где протопопа отдают под начало енисейскому воеводе Афанасию Филипповичу Пашкову, который во главе отряда направляется покорять новые территории, лежащие на Амуре. Действия, совершаемые енисейским воеводой, осуждаются протопопом Аввакумом как не мотивированные законом и отражающие самодурство воеводы: *«и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет»* [Житие: 69]. Отметим, что комментаторы Жития считают такую жестокость А. Ф. Пашкова более необходимостью, чем прихотью, мотивируя ее сложностью задачи экспедиции. Применение жестоких мер было делом обычным «у сибирских администраторов, особенно во время походов, когда приходилось усиленными карательными мерами удерживать в повиновении», в аскетичной «обстановке всяческих лишений, плохо дисциплинированное войско» [Гудзий 1960: 364]. То есть действия воеводы были адекватны времени, месту и обстоятельствам. Несмотря на нарушение буквы закона, они были в определенной мере оправданы государственной надобностью.

Жестокость А. Ф. Пашкова коснулась и самого Аввакума, который был им

неоправданно избит и высечен кнутом: *«Привели дощеник: взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: “поп ли ты или роспон?”; и аз отвечаю: «аз есмь Аввакум протопон; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А Пашков меня же хочет опять бить: “ты-де над собою делаешь за посмех!”»* [Житие 1960: 71].

А. Ф. Пашков не озаботился обеспечением питанием войска, тем самым поставил людей на грань голодной смерти и самовыживания, причем, отметим, что некоторые способы такого самовыживания также жестоко наказывались воеводой: *«А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит – всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет»* [Житие 1960: 74].

Противоправность действий А. Ф. Пашкова, описываемых очевидцем и в целом ряде случаев потерпевшим Аввакумом, очевидна в контексте действующего законодательства. В соответствии со статьей 11 главы XXII Соборного уложения, которая развивает положения предшествующей 10-й статьи *«А будет кто, не бояся бога и не опасаяся государские опалы и казни, учинит над кем ни будь мучительское наругательство <...>. А будет такой же поругатель кого ни будь зазав или силою заволокши к себе на двор учнет бити ослопом, или кнутом, или батоги, <...> и такому поругателю за такое его дело учинити жестокое наказание»* [СУ: 130]. Как указывает в комментариях А. Г. Маньков, в «ст. 11 заметен мотив пресечения самоуправства, самосуда, столь характерного для обычного права феодального общества» [Маньков: 386].

В эпизоде похода на «Мунгальское царство» (в Монголию) А. Ф. Пашков накануне выступления войска зовет волхва предсказать исход экспедиции. Узнав про это, Аввакум проклиная поход. В ответ на это – А. Ф. Пашков не

применяет никакого наказания к протопопу и отправляет его с войском, *«лишо изляял»* [Житие 1960: 80]. В пути, на одном из речных порогах, лодка воеводы разбилась, всех людей стащило в воду. Сын А. Ф. Пашкова Еремей просил отца покаяться за ранее совершенное избиение Аввакума, но А. Ф. Пашков в ответ трижды пытался убить сына: *«Пашков же, ухватя у малова колешчатую пицаль, – никогда не лжет, – приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пицаль. Он же и в третьи также сотворил; пицаль и в третьи осеклася же»* [Житие 1960: 81].

В этом эпизоде фиксируется факт покушения на убийство. Умышленное убийство, в соответствии со ст. 72 гл. XXI Соборного уложения *«А кто кого убьет с умышления, и сыщется про то допряма, и такова убойцу самого казнити смертию»* [СУ: 125], влекло смертную казнь преступника, причем, как подчеркивает в комментариях А. Г. Маньков, «при наличии умысла социальный аспект не принимался во внимание, и во всех случаях убийца подлежал смертной казни» [Маньков: 374]. Покушение на убийство (в форме словесной угрозы – похвальбы) представителями социальных верхов общества, в соответствии со ст. 133 гл. X Соборного уложения *«А будет кто поместной и вотчинной имянной и прожиточной человек всякого чину учнет похвалятца на кого смертным убивством <...> дати опасную грамоту з болшею заповедью <...> пять тысящ или шесть или семь тысящ рублей и большии»* [СУ: 43], наказывается большим денежным штрафом.

В эпизоде похода на «Мунгальское царство» представляет интерес и факт обращения А. Ф. Пашкова к языческой обрядовости, естественно, резко негативно воспринятый Аввакумом: *«Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство воевать, – казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек, – и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удастлися им и с победою ли будут домой? Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов*

призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: “удастся ли поход?” И беси сказали: “с победою великою и с богатством большим будете назад”. И воеводы ради, и все люди радуясь говорят: “богаты приедем!” Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко!» [Житие 1960: 80]. В 1648 году вышел Указ царя Алексея Михайловича о запрещении «бесовских игрищ» и колдовских ритуалов [Опарина], однако его применение не закрепляется в Соборном уложении, где в главе I квалифицируются как противоречащие государственному законодательству различные действия, совершенные в церкви; остальные же действия подпадают под юрисдикцию церковного законодательства. Так, в Стоглаве, помимо детального описания тех действия, что относятся к обрядам волхования, приводятся и меры наказания за их осуществление как священникам, так и пастве, например в вопросе 17: «Аще ли кто впредь от православных хрестьян учнет таковыми чародействы в народе или по домом или уполь прельщати, и потом обличени будут, и таковым от царя в великой опале быти, а тем православным хрестьяном, которые учнут от них то еллинское и бесовское чарование приимати, всячески от церкви отверженным быти по священным правилом», или в ответе в главе 93: «Всякое волхование отречено есть от бога, яко бесовское служение есть. Сего ради собор сей отныне таковая творити не повелел есть и запрещает причетником – извержением, простым же – отлучением» [Стоглав]. Прорицание по церковному законодательству того времени было запрещено по причине сущностной природы обряда. В части Номоканона «О прорицании» говорится: «Прорицателие же глаголются, иже бесовом себе возложиша, и тех наказаньми, чрез некая знаменья покушаются и являютя ведети будущая». В Правиле 14 Номоканона также запрещается обращение к волхвам: «Аще кия ходят к волхвом, и волхвуют, или звездословят, о счастья и о бранех и о корысте богатства и о инех многих злодействиих. или чаруют воски о ратном кровопролитии, <...>и да навькнут что ведати или злодействовати, о них же неведят, яко да воск излиет им волхв, или олово. шесть лет да не

причастятся, по шестьдесят первому правилу, еже в Трулле, и по семьдесят второму Великаго Василия. священник же сие творяи да извержется [Исаия 47 ст., 12. Деян., 19. ст. 19]», – мерой наказания, должной быть примененной к преступившим постановление Собора, является запрет на причастие в течение 6 лет. В Правиле 17 дается описание ритуалов волхования и осуждается деятельность волхва, которая считается злом в России: «*И есть же ина злая волхования яже zde в Велицей Росии, ово убо зверски рыкати творят, яко же медведь и волк, и ин скотски всяко, и птическими гласы и песньми мучитися. и чревесем разсторгнутися от привязания к тайным удом*». В Правиле 18 Номоканона предписано наказание – 6 лет запрета, так как получение чего-либо посредством обряда волхования – это нет от Бога, а от дьявола: «*шестолетием да запретятся. сиречь, шесть лет <...> занеже вся сия от бесов действуема совершаются*» [Номоканон].

В Житии представлен и эпизод, отражающий борьбу церкви и государства с «бесовскими игрищами», к которым относились и скоморошьи потехи. Эта борьба особенно усилилась в середине XVII века по инициативе кружка «ревнителй благочестия». В 1648 году было издано специальное распоряжение царя, запрещающее, под угрозой батогах и даже ссылки в окраинные города, всякие затей скоморохов с домрами, гуслиями, волынками, медвежьими плясками. Санкции против таких деяний формулировались следующим образом: «*А гдѣ объявятся домры и сурны, и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бесовскіе сосуды, и ты бѣ тѣ бѣ велѣль вынимать и изломавъ, тѣ бесовскіе игры велѣль жечь*» [Харузин: 148]. Таким образом, действия Аввакума, который изгнал из села скоморохов и двух медведей у них отнял, оказываются не противоправными, а соответствующими законодательным нормам: «*Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и [у]хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другога отпустил в поле*» [Житие 1960: 62]. Номоканон в Правиле 18 осуждает скоморошество: «*Матфей же в первой главе, 40-го стиха глаголет,*

яко иже медведи, и иныя звери на игралища на вред простейших влекут <...> занеже вся сия от бесов действуема совершаются. глаголет бо святыи Иоанн Златоуст», следует избегать подобных действий: «бежати подобает сицевых и отвращатися». По правилу 21 те, кто участвует в скоморошеских забавах, переодевается, обличают в маски, тем самым творят грех и подлежат отлучению от церкви: «наличники, яко же в странах латинских зле обыкоша творят, различная лица себе притворяюще, и теми многожды и самыи чин церковныи поругающе. тем же сия творящих в разуме, священныи убо извержению, людинов же, отлучению предает», также церковное законодательство накладывает запрет не только на участие в скоморошеских и иных забавах, но и быть зрителем: «Такожде и шестьдесят шестое правило, шестаго собора, възбраняет верным отходити, и видети ристания конския, на пасху или во ино время» [Номоканон]. Приведем мнение российского этнографа Н. Н. Харузина, который на материале документов – «правительственныи мѣрь, принятыи въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича и направленныхъ къ искорененію народныхъ суевѣрій и празднествъ» [Харузин], делает заключение, что подобных юридических свидетельств борьбы светской и духовной власти в России с остатками язычества, веселий при участии скоморохов, медвежатников и пр. было довольно много, однако в силу ментальности российского человека безуспешно [см.: там же]. Такого же мнения придерживаются комментаторы Стоглава: «Несмотря на полутысячелетнее господство, церкви так и не удалось изжить в народе приверженность к языческим прелестям и верованиям, хотя борьба с ними велась постоянно» [Стоглав]. Причина постоянного «возрождения» язычества заключена в ментальности русского народа: Н. Н. Харузин дает характеристику поведения древнерусского человека, который лишь на первое время «присмирался» и старался следовать предписаниям указов, а затем снова возвращался к пышным языческим празднествам и обрядам [см.: Харузин]. В свете рассматриваемого эпизода интересно мнение комментаторов 93-й главы Стоглава, соотносящих борьбу церкви с языческими обрядами с явлением

банального уничтожения конкурента: «языческие авторитеты подвергались гонениям со времен Владимира Святославича. В Стоглаве, памятнике середины XVI в., вновь ставится проблема избавления от конкуренции языческих авторитетов» [Стоглав].

Описано Аввакумом и бесчинство боярского сына Петра Бекетова в Тобольской церкви: *«Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня»* [Житие 1960: 69]. Оно является противоправным не только в представлениях автора, но и в определении законодательства. В ст. 3 гл. 1 Соборного уложения «О богохульниках и о церковных мятежниках» говорится: *«А будет кто <...>, вшед в церковь Божию, учнет говорити непристойные речи <...> или архиепископу <...> и священническому чину, и тем в церкви Божественному пению учинит мятеж, а государю про то ведомо <...>, и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь»* [СУ: 19].

Разрушающее требования жанра агиографии Житие Аввакума, тем не менее воссоздает многие черты героя-праведника, прежде всего – всепрощение: Аввакум не только прощал чинимое над собой насилие, но и помогал насильникам в тяжелые для них времена. Так, он выкупил у приказчика Л. Б. Толбузина служилого человека Василия [см.: Гудзий 1960], который при А. Ф. Пашкове *«на людей ябедничал и крови проливал и моя головы искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил»*; после А. Ф. Пашкова хотели казаки его *«до смерти убить»*, но Аввакум выпросил Василия и *«прикащику выкуп дав»* [Житие 1960: 83].

Однако Аввакум-писатель, в отличие от традиционного агиографа, не отходит от правды жизни, не идеализирует ее. Он содействовал побегу другого служилого человека, укрывал его при содействии членов семьи и дал ложные показания: *«Да и другога такова же увез замотая. Сего не хотели мне выдать; а он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су, – простите! – своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево, положжа на дно*

в судне, и постелею накиннул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули, – лишь говорят: “матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!” А я, – простите бога ради, – лгал в те поры и сказывал: “нету ево у меня!” – не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение?» [Житие 1960: 84]. Отметим, что, осознавая противоправность своих действий по нормам законодательства, Аввакум видит оправдание их в библейском примере спасения человеческой жизни.

История усмирения бешенного Феодора, поведение которого так описывает автор Жития: *«И он, вышатав пробой, пуци и первова взбесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княгинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегаёт от него»* [Житие 1960: 115-116]. Аввакум наказал преступника за его деяния – избил за безобразия, что тот творил в церкви, чтобы удержать от большего греха: *«Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе, велел пономарю приковать к стене»* [Житие 1960: 115]. Данный сюжет демонстрирует несоответствие поведения Аввакума каноническому образу героя жития, а также является свидетельством самоуправства.

И это не единственный случай, когда Аввакум применяет жесткие меры к нарушителям, фактически равные самосуду. Например, протопоп приковал двух «странных» Василиев: *«А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы, – странно и говорить про них: кал свой ели»* [Житие 1960: 117]. Подобная мера была применена и к бешеному Филиппу, когда Аввакум жил в Москве: *«В ызбе в углу прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить»* [Житие 1960: 114].

Однако в некоторых ситуациях жестокого обращения с другими Аввакум раскаивается. Например, объясняет свое поведение в отношении жены и жившей в его доме Фетиньи тем, стал свидетелем скандала между ними, когда вернулся расстроенный от Феодора Ртищева после дискуссии о вере и о законе: *«бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали согрешил пред богом и пред ними»* [Житие 1960: 114]. Как муж Аввакум имел право бить свою супругу, однако, в соответствии со средневековым представлением о божественной каре за грехи, протопоп рассматривает как наказание за этот поступок, последовавшие события: тогда же бешеный Филипп *«начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно»*, а Аввакум не смог его укротить: *«Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: “попал ты мне в руки!”»* [Житие 1960: 114]. Обратим внимание на восприятие Аввакумом своего проступка пред женой и Фетиньей как осознания им совершенного преступления и понесенного за него наказания. Протопоп не противится побоям Филиппа, просит прощение у женщин и просит высечь себя плетью: *«Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине»* [Житие 1960:115].

Аввакум нарушает правовые нормы Уложения 1649 года в эпизоде, последовавшим за расстрижением 13 мая 1666 года протопопа и дьякона Феодора и проклятия их. В ответ на приведенную в действие меру наказания Аввакум проклинал священнослужителей: *«я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут!»* [Житие 1960: 94]. Исследователи Жития отмечают, что в целом поведение Аввакума на Соборе 13 мая было агрессивно, что стало причиной его расстрига и отлучения от церкви. После Собора везли Аввакума и Феодора тайно в Никольский монастырь, отрезав у протопопа бороду.

В связи с установлением новых церковных канонов последовали жестокие меры, применяемые к старообрядцам: избиение князя Хованского Ивана Ивановича, сожжение Исаии, дворового человека боярина Петра Салтыкова, разорение дома бояр Морозовых, мучения Федосьи Морозовой с

сестрой в монастырях: *«Князь Ивана миленькова Хованскова и батожьем били, как Исаию сожгли. А боярню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат и сестру ея Евдокию, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили»* [Житие 1960: 95]. Исходя из новой правовой ситуации, начиная с середины XVI века, действия властей правомерны в рамках действующего законодательства, в то время, как действия протопопа представляли собой правонарушение.

Таким образом, сюжеты Жития в разных аспектах отражают правовое сознание. Нарушение норм средневекового светского и церковного права проявлено в оскорблении словом, в избиении человека, в попытке убийства, в жестоком обращении с людьми, в сокрытии преступников, в обращении к языческому обряду волхования, к скоморошеским потехам; в нарушении царского распоряжения; бесчинствах в церкви и др. Столь большое количество юридических коллизий, связанных с преступными деяниями, объясняется, прежде всего, неприятием Аввакумом церковной реформы Никона, активным противодействием ей, а также его взглядами и пристрастиями, следуя которым он отстаивал чистоту религиозных норм и их исполнение без учета жизненных реалий. Кроме того, сам Аввакум, следуя религиозному убеждению, спасает людей от заслуженного (по юридическим нормам того времени) наказания, что свидетельствует о первичности религиозной составляющей в правовом сознании протопопа; на это указывает и эпизод борьбы Аввакума со скоморошескими игрищами.

2.1.2 Отражение церковного и светского законодательства XVII века в Житии протопопа Аввакума

Реальные документы, включенные в Житие в пересказе или точно цитируемые, представляют вторую группу элементов вербализации правового сознания и в жанровом отношении представляют собой челобитную, указ, грамоту, сказку.

Челобитная в сфере делопроизводства Московского государства конца XVI – XVII века номинировала доносы, жалобы, просьбы и пр., которые подавались и адресовались либо индивидуально, либо группой крестьян, посадских людей, дворян и т. д. в государственные учреждения, на имя царя, помещикам [см.: БЮС: 606]. Аналогична и лингвистическая трактовка термина: грамота, документ «с прошением или жалобой» [МАС 4: 659], грамота «на имя царя или местным властями» [БАС 17: 822].

А. П. Майоров, исследуя русские челобитные XVII века, выделяет такие их виды, как управная челобитная (иск) – «заявление о назначении судебного разбирательства»; явочная челобитная (явка) – «официальное уведомление властей о чем-либо»; изветная челобитная (извет) – «донос по государеву слову или делу»; повинная челобитная – «признание своей вины и просьба о смягчении наказания»; мировая челобитная (мировая) – «заявление о достижении соглашения спорящих сторон до суда»; отсрочная челобитная – «просьба о переносе срока судебного разбирательства»; ставочная челобитная (ставка) – «заявление о явке на суд и об отсутствии противной стороны». Особый вид, получивший название «подметное письмо», представляли собой анонимные челобитные или челобитные с вымышленной подписью [Майоров: 15]. В зависимости от подписи, которая ставилась на документе, исследователями дифференцируются заручная челобитная, то есть прошение «за руками» челобитчиков, лично подписывающихся на обороте документа, и подписная челобитная за подписью челобитного дьяка, что предписывалось по

личному приказу царя. Особый вид документов выделен в Соборном Уложении 1649 года – «нарядные письма», или подложные, или «воровские», за составление и хранение которых в главе VI «О подписиких, и которые печати подделывают» назначалась смертная казнь [Тихомиров].

В текст Жития автор вводит челобитные, которые были написаны на него и с которыми он обращался сам.

Он ссылается в описании своего пребывания в Тобольске и сложных отношений с дьяком Иваном Струной на челобитную дьяка (по классификации А. П. Майорова, представляет собой донос по «государеву слову и делу», изветную челобитную): *«сказал “слово и дело государево” на меня [Аввакума]»* [Житие 1960: 69]. Причина составления челобитной, по мнению Н. К. Гудзия, заключается в *«“неистовых словах” протопопа»*, которые и *«послужили Ивану Струне материалом для того “слова и дела государева”»: дьяк И. В. Струна «на <...> Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом, а посох-де с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром»*, то есть завел посох не по сану» [Гудзий 1960: 362–363]. За этот поступок дьяк И. В. Струна был отдан как политический доносчик под охрану Петру Бекетову – *«за пристав»* [Робинсон 1991: 314]. В отсутствие архиепископа Симеона в Тобольской епархии, кроме этого «слова государева» Иван Струна за полтора года еще четырежды обращался с челобитными о противоправном поведении Аввакума, что усугубляло трудное положение протопопа [см.: Житие 1960: 68].

Аввакум ссылается на написанную им еще в Москве челобитную царю с просьбой защитить церковь от ереси, от sprawy Никона, называя патриарха *«злодеем и еретиком»*. В данном случае упоминается *«первая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанная, видимо, вскоре по возвращении Аввакума из Сибири в Москву»* [Гудзий 1960: 369] в 1664 году. Аввакум хотел лично встретиться с царем, с целью обсуждения проблемы реформирования церкви [см.: Робинсон 1991: 325]. Но это письмо протопоп не мог лично отдать в руки адресата по причине болезни: *«занемоглось»* Аввакуму [Житие: 92]. Потому просил своего духовного сына, Феодора юродивого,

который после был повешен. Подобные факты сложно судить однозначно: были ли они правонарушением со стороны Аввакума или все же он радел за общее государственное дело. Однако исходя из Уложения 1649 года и из правовых норм того времени, можно сделать вывод, что Аввакум был виновен по статьям гражданского кодекса, а значит, и Феодор был наказан, а не «убит», как можно было бы истолковать в том случае, если бы Аввакум действовал в рамках юридической нормы. Но хотелось бы отметить тот момент, что сам факт церковного раскола довольно сложное явление, потому не стоит одному из действующих лиц давать однозначную оценку, что он прав, а второму – повинен в преступлении. Поскольку не раз на страницах Жития встречаем чудеса, которые являлись в связи с законным наказанием преступника. Например, Феодор был отослан царем в Чюдов монастырь, где архимарит Павел на него железо наложил, но *«божиею волею железа рассыпалися на ногах пред лю[дь]ми»* [Житие 1960: 93]. Далее осужденный *«в жаркую печь влез и голым гузном сел на полу и, крошки в печи побираючи, ест»* [Житие 1960: 93].

В Житии Аввакум упоминает несохранившуюся заручную челобитную грамоту – прошение *«о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах»* [Житие 1960: 64], написанную, очевидно, в 1652 году во время перенесения из Соловков в столицу Никоном мощей митрополита Филиппа, когда решался вопрос о новом митрополите.

Второй вид документов, введенных Аввакумом в текст Жития, является указ – «постановление, распоряжение верховного органа власти или главы государства, имеющий силу закона» [МАС 4: 478; БАС 16: 430].

Аввакум пересказывает царские указы 1655, 1657 и 1662 годов, сопровождающие повествование о важных событиях в жизни протопопа, объясняющие причины перемены места пребывания, а также показывающие изменения в отношении царя к Аввакуму: *«Посем пришла грамота с Москвы, – велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку»* [Житие 1960: 116]; указ: *«Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего*

рекох, — поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести – двадцать тысяч и больше будет от Москвы» [Житие 1960: 69], грамота: *«Перемена ему [А. Ф. Пашкову] пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем»* [Житие 1960: 83].

Рассказывая о ссылке в Якутский острог, Аввакум ссылается на указ царя Алексея Михайловича, который последовал как реакция на критику протопопа «никонианства» – реформы церковной обрядовости и «книжной sprawy»: *«Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову»* [Житие 1960: 69]. В данном факте отражен указ о ссылке протопопа на Лену за подписью царя Алексея Михайловича, согласно отписке тобольских воевод, получивших данный документ [Гудзий 1960: 363], таким образом, царь Алексей Михайлович поддерживал реформу церкви и осуждал поведение протопопа, стоявшего на иных позициях – отрицания нововведений. Приведем мнение В. Е. Гусева, который в результате исследования пришел к выводу, что Аввакум и его сподвижники не были противниками реформ церкви, вообще, а наоборот, первыми начали процесс изменений обрядовой стороны, а в направлении книжной sprawy отстаивали авторитетность древних греческих рукописей, а не современных; кроме того, некоторые «ревнители благочестия» считали приоритетным для реформирования не книжно-обрядовую, а бытовую и нравственную сторону жизни духовенства, неустройство жизни в России, в целом, и перевод церковного управления с принципа ставленничества, поддерживающего единовластие патриарха, на демократический принцип выборности [см.: Гусев 1960: 11].

С самого начала Жития позиция Аввакума выражена однозначно как противника Никоновой sprawy, а потому и противника закона. Протопоп служил по-старому, вопреки новому общепринятому канону, проповедовал людям, чем вызывал опустошение тех церквей и храмов, в которых действовали новые порядки. Своими действиями Аввакум вызвал недовольство

царя, за что ему был выговор от царя: *«власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять»* [Житие 1960: 93], то есть за нарушение спокойствия и порядка протопоп был отправлен в изгнание, вывезен в Мезень. На все уговоры присоединиться к новым порядкам Аввакум отвечал резким отказом и ругался: *«Сказку им тут с бранью с большою написал»* [Житие 1960: 94], по изысканиям Н. К. Гудзия, данный документ до нас не дошел [см.: Гудзий 1960: 370].

Сказка как жанр представляла собой документ делопроизводства, в котором фиксировались записи, «содержавшие показания свидетелей, отчеты, донесения о событиях, происшествиях, торгах, о выполнении служебных и прочих поручений, доносы на кого-л. и т. д.» [СлРЯ 24: 169]. Будучи в Пустозерье, Аввакум отдает Ивану Елагину «скаску», в которой доказывает несоответствие нового порядка богослужения традиции: *«мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем»* [Житие 1960: 106], в чем наглядно выражена непримиримость позиции «ревнителей благочестия», и Аввакума в том числе.

В текст Жития протопоп Аввакум осознанно вводит разного характера документы: челобитные, царские указы, сказки, которые сопровождают важные события, перемены в жизни протопопа, раскрывая их существенные причины, таковыми в особенности являются указы о ссылке Аввакума на Лену, в Дауры и о возвращении на Русь. Наличие их свидетельствует о ключевом значении для правосознания XVII века отношения к той или иной правовой коллизии верховной власти – государя, который и является основной светской правовой силой. Об этом же свидетельствует и распространенность использования челобитных на имя царя, содержание которых раскрывает глубинную ментальность русского человека. С другой стороны, стоический, непреклонный нрав, твердость и неспособность к компромиссу «ревнителей благочестия» проявляется в сказке, переданной из Пустозерья.

2.2 Правовые коллизии, отраженные в челобитных протопопа Аввакума

Челобитными царю Алексею Михайловичу называют послания, которые получили свое наименование в издании Русской исторической библиотеки 1927 года вместе с порядковым обозначением в связи с хронологией написания: первая, вторая, третья, четвертая и пятая. При этом Н. С. Демкова отмечает, что не все «письменные обращения Аввакума к царю были челобитными» [Демкова 2012: 332], к числу посланий по форме и назначению относятся Первая (1664), Четвертая (1668) и Пятая (1669) челобитные. К числу посланий относится и челобитная царю Федору Алексеевичу (1676).

Челобитная в делопроизводстве Российского государства XVII века представляла собою письменное прошение [см. подробнее: раздел 2.1.2], имевшее четко закрепленную структуру: в начале документа обычно шло обращение к государю, затем – информация о просителе, в конце – обязательными элементами являлись формула «руку приложил» и личная подпись. На обратной стороне прошения дьяк ставил дату подачи документа и отметку «доложить» или делал запись приказания по данной челобитной, которое отдавалось царем или главой приказа. Структура челобитной, по мнению экспертов [см. подробнее: Демкова 2012: 332 – 338; Осовский], без сомнения, нарушается протопопом.

Так, первая челобитная, написанная протопопом в Москве весной 1664 года по возвращении из ссылки, не является как таковое ни жалобой на кого-либо, ни просьбой о чем-либо конкретном. Она представляет собою «литературно-публицистическое послание» [Демкова 2012: 333], в котором Аввакум говорит царю о том, что, по его мнению, происходит «в его [царя] державе» [Челобитные АМ 1934: 282], с надеждой на диалог по вопросу реформирования церкви. Кроме того, к этой челобитной была «подклеена записка», в которой излагались случаи жестокого обращения с подчиненными

воеводы А. Ф. Пашкова, представляющие богатый материал для нашего исследования правового сознания XVII века.

Вторая челобитная 1664 года в момент возросшего «недовольства властей выступлениями» [Демкова 2012: 334] протопопа как против самой реформы, так и ее активистов. В документе ставится вопрос о назначении духовенства, которое была бы способно восстановить «благочестие», нарушенное реформой, а также содержится извет на Дионисия, греческого архимандрита, заключающийся в обвинении его в содомском грехе, что является недопустимым для человека, миссия которого в обучении обрядам. Данный факт греховного поведения Дионисия, осуждаемый в 33 главе Стоглавого собора получил освещение в статье О. Е. Осовского [Осовский: 110 – 111], по мнению которого, как и Н. С. Демковой, данная челобитная «приближается к жанру “извета”» [там же], что подтверждается указанием имен лиц, знающих об этом.

Третья челобитная 1664 года была передана через юродивого Киприана и содержала прошение оставить протопопа в Холмогорах, так как опасен и труден путь в Пустозерск: «И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи» [Челобитные АМ 1934: 289]. В итоге Аввакум был сослан в Мезень.

Челобитная с Мезени, датируемая январем 1665 года, содержит прошение о корме. Послание царю из Пустозерска, именуемое четвертой челобитной, датируемое во временном отрезке 1667 – 1669, представляет просьбу отпустить из Москвы двух духовных сыновей протопопа на Мезень, а также просьбу об увеличении продовольствия.

В 1669 году было отправлено «последнее <...> плачевное моление» [Челобитные АМ 1960: 195] царю Алексею Михайловичу, пятая челобитная, последняя попытка вразумить самодержца в правоте «первого благочестия» и вдохновить его вернуться к нему, чем и спасти свою душу. Публицизм данного послания очевиден: список с него был также отправлен семье Аввакума на Мезень, где был переписан многократно и в дальнейшем получил

распространение. Документ содержит опровержение навета сторонников реформы относительно ревнителй старого благочестия, которые ложно обвинялись в создании ситуации церковного раскола. Также протопоп говорит об искажении веры, о шаткости греческого благочестия. А в конце послания обозначает угрозу грядущего суда праведного над отступниками, в том числе и над Алексеем Михайловичем.

Челобитная царю Федору Алексеевичу 1676 года содержит эмоциональное прошение о милости, о спасении старообрядцев. При этом послание имеет и дерзкие смелые высказывания-выводы протопопа, в том числе и говорящие о том, что царь Алексей Михайлович «сидит» ныне в аду. Аввакум пренебрегает требованиями как эпистолярного, так и официального этикета. Все это делает текст челобитной, по мнению Н. С. Демковой, «беспрецедентным в традиции русских посланий» [Демкова 2012: 337] на имя царя. Также исследователь предполагает, что челобитная повлекла за собою ужесточение порядков в тюрьме.

В текстах челобитных, как и в Житии, представлены и противоправные, и законные действия, согласно юридическим документам XVII века; их интерпретация протопопом проявляет специфические черты правового сознания Древней Руси. Вместе с тем содержание документов включает в себя поучения, представляющие собою назидательные советы, наставления, проповедь царю, несмотря на то, что формально названы челобитными. Аввакум приводит реалии жизненных обстоятельств в качестве примеров, аргументов, подкрепляющих магистральную идею важности возвращения старого благочестия и отказа от реформирования церкви.

Аввакум готов терпеть жестокое обращение: избиение, насилие, морение голодом: *«егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутъем мучат и томят на морозе гладом. А все церкви ради божия стражем»* [Челобитные АМ 1934: 186], что является правомерным со стороны властей. А вот сопротивление протопопа и ревнителй старого благочестия реформам представляет собою нарушение норм права.

Описывает протопоп и случай насилия над ним, произошедший в Нижегородском уезде, когда он служил там в чине попа. Он был удушен, избит, а имение его было разграблено: *«Егда я был в попех в Нижегородском уезде, ради церкви божия был удушен и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имение мое не в одну пору бысть в разграблении»* [Челобитные АМ 1934: 187], что представляет собою противоправные действия, согласно законодательству, как и насилие, учиненное над Аввакумом жителями в Юрьевце-Повольском в мае 1652 года, где протопоп служил в патриаршем приказе. По мнению Н. К. Гудзия, одной из причин стало необычайное рвение Аввакума в сборе налогов в казну приказа. Интерес представляет и факт избияния Аввакума по приказу Никона, датируемый августом-сентябрем 1653 года, совпадая с началом преследования протопопа в связи с его активным непринятием реформы.: *«А Никон меня [протопопа], патриарх бывшей, на Москве по ногам бив, мучил недели с три по вся дни, от перваго часа до девятого. И о сих всех благодарю бога»* [Челобитные АМ 1934: 187], – что представляет собою, по мнению В. К. Никольского, наказание Аввакума за недоимку тех самых «налогов в патриаршую казну» [Гудзий 1934а: 448 – 449]. В редакции Жития Б и В содержится уточнение: Аввакум был бит «на правеже» [там же], то есть, согласно древнерусскому праву, было произведено взыскание с обвиненного ответчика – протопопа в пользу истца, соединенное с понудительными средствами, таким образом, избияние протопопа батогами было в рамках законодательных.

Так, в первой челобитной протопоп рассказывает о жестокостях А. Ф. Пашкова, о чем нам сказано достаточно в разделе 2.1.1. Конечно, действия А. Ф. Пашкова являются противоправными, согласно законодательству XVII века, однако представляют собою необходимость, продиктованную особыми обстоятельствами. Жестокое обращение воеводы с протопопом и людьми было многогранно: и избияния руками, чеканом, кнутом; содержание в тюрьме, на морозе; ненадлежащее обеспечение пищей и др., что влекло болезни и смерть людей: *«По лицу грешному воевода бил своими руками,*

из главы волосы мои одрал и по хрепту моему бил чеканом, и семьдесят два удара кнутом по той же спине, и скована в тюрьме держал пять недель, тридцать и семь недель морозил на морозе, чрез день дая пищу, и два лета против воды заставил меня тянуть ляжку. От водяного наводнения и от зноби осенняя распух живот мой и ноги, и от пухоты разседалася на ногах моих кожа, и кровь течаше беспрестанн. <...> в то время многие помирали от той воеводския налоги и муки» [Челобитные АМ 1934: 187 – 188].

3 Полевое исследование правовой лексики в Житии и челобитных протопопа Аввакума

3.1 Правовая лексика в Житии протопопа Аввакума

К собственно лингвистическим элементам Жития, отражающим правосознание эпохи, относятся правовые термины.

В Житии фиксируются такие тематические группы терминов, как названия социальных групп: *архиепископ, царь, воевода, дьяк, стрелец, государь, боярин, вкладчик в монастыре; патриархов приказ*; виды официальных документов: *грамота, указ, челобитная, сказка*; преступные действия и деяния: *бить, оскорбить, кнутом забить, до смерти убить, мятеж, бесчестие, ссора, <разбойник>, отступничесво*; виды наказаний: *наказание, казнить, бити кнутом, посадити в тюрьму, сидети за стражею, пытать, застенок* и др. Укажем, что по своей семантике они совпадают с терминами Соборного уложения 1649 года.

Анализ их использования протопопом Аввакумом позволил выделить ключевые термины, которые вербализируют самые важные аспекты правового сознания автора и сущностно отражают глубинные причины конфликта, связанного с церковной реформой патриарха Никона: *отступничество, блядь, проклятие, мятеж, лаяти*.

3.1.1 Семантика правового термина *отступничество* в Житии

Обратимся к тем сюжетам Жития, где использован юридический термин *отступничество*. Заметим, что упоминание затмения солнца для средневекового сознания представляется предзнаменованием трагических событий (ср., например, эпизод «Слова о полку Игореве») [см. также: Иванова 2012]. Аввакум видит в затмении солнца 1654 года не просто, как всякий средневековый человек, дурной знак, но он трактует его как Божественную оценку деятельности патриарха Никона в начатом в 1653 году реформировании церкви. Через 12 лет затмение повторяется; к этому времени Аввакум уже был лишен духовного сана и заключен в Никольский монастырь вместе с другими вождями раскола. И сам Никон в то время находился в царской опале, а позднее был лишен патриаршего сана и сослан под Вологду в Кирилло-Белозерский монастырь [см.: Робинсон 1991: 308].

В описании этих событий автор Жития однозначно определяет свою позицию в отношении деятельности Никона, используя в его адрес слово *отступник*: «в то время [с весны 1653 года] Никон *отступник* веру казил и законы церковныя» [Житие 1960: 56], за что, по мнению Аввакума, Бог и послал несчастье – эпидемию чумы 1654 года: «зело мор велик был» [там же]. Эта характеристика – *отступник* – относительно патриарха Никона становится постоянной в речи Аввакума, например: «Я бы и Никона *отступника* простил, как бы он покался о блудни своей ко Христу» [там же: 84], «на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и *отступника* Никона, злодея и еретика» [там же: 92], «До Никона *отступника* в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна» [там же: 101].

Отметим, что к «отступникам» Аввакум относит не только Никона, стоящего во главе реформирования церкви, но и архиепископа Симеона Сибирского, который «ныне учинился *отступник*», хотя ранее «добр был» [там

же: 38]. Архиепископ Симеон Сибирский «входил в кружок ревнителей благочестия», в его подчинении по церковной линии находился и сам Аввакум в период ссылки в Сибирь, кроме того, архиепископ поддерживал и защищал протопопа от нападок в Тобольске. Однако «Симеон участвовал в церковном соборе 1654 г.», утвердившим реформу Никона, и в 1664 – 1667 годах занимал положение старшего справщика «церковных книг на Московском печатном дворе» [см.: Комментарии]. Таким образом, Симеон Сибирский принял реформу Никона и содействовал ее осуществлению, а значит, по убеждению Аввакума, стал отступником.

И. И. Срезневским *отступничество* определяется как отступление от догматов веры, за что, судя по приведенному в словарной статье примеру из Ефремовской Кормчей, предписано наказание – «*быти отъвѣрженомъ*» [Срезневский 2: 814]; *отступник* считался изменником [Срезневский 2: 815]. В общелексическом значении *отступникъ* – это «изменник, отступник; вероотступник» [СлРЯ 14: 42]; в словарной статье приведен актуальный для нашего исследования пример: в рукописном тексте Апокалипсиса с толкованиями Андрея Кесарийского XIII века словообразовательный вариант *оступникъ* приведен как постоянное определение Антихриста: «Начьртание же пагубнаго имени и *оступника* [антихриста] вся наложити потщиться» [СлРЯ 13: 167]. Толкование, предлагаемое В. И. Далем, позволяет расширить и конкретизировать значение термина *отступничество* – «отступать отъ веры, отпадать, отметаться, изменять ей. Отступать отъ законовъ, отъ правилъ, не соблюдать ихъ, ослушиваться, своевольничать» [Даль 2: 1331–1332]; *отступник с укором*, по материалам того же словаря, обозначает отпадшего, отвергшегося, отступившего «отъ кого или отъ чего», отметчика, изменника и предателя [см.: Даль 2: 1332].

Прот. Г. М. Дьяченко приводит развернутое определение термина: «*отстоупникъ – христіанинъ или совершенно отрекшійся, отпавшій отъ вѣры во Христа Спасителя и впавшій въ язычество, или въ жидовство, магометянство и проч., или же хотя не отрекшійся отъ вѣры во Христа, но*

не признаюцій всѣхъ семи таинствъ св. православной церкви, или же хотя всѣ таинства признаюцій, но дерзаюцій къ чистому исповѣданію вѣры примѣшивать свои измышленныя заблужденія, противныя древнему ученію св. апостоловъ и отцевъ церкви, отвергаюцій древніе благочестивые обряды и установляюцій свои новые обычаи, противные духу христіанскаго благочестія (выделено нами. – С. И.). *Таковы всѣ древніе и новые еретики и наши русскіе раскольники*» [Дьяченко: 398–399]. Естественна оценка автора, стоящего на позициях официальной церкви и причисляющего русских раскольников, а значит, и Аввакума к отступникам.

Как известно, в ходе церковной реформы произошла широкомасштабная «книжная справа», редактирование текстов Священного писания и богослужебных книг, а также были внесены изменения в церковную службу, в частности, двуперстное крестное знамение заменено трехперстным, отменены малые земные поклоны (метания). Как указывалось в памятной грамоте патриарха Никона 1653 года, *«не подобает в церкви метанія творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя персты бы есте крестились»* [Никонианство].

На Первом церковном соборе (проходившем с 27 февраля – по 2 мая 1954), созванном патриархом Никоном, был поставлен вопрос о выборе традиции, которой следует придерживаться в реформировании церкви, то есть остаться в рамках русской, восходящей к Стоглаву, или примкнуть к греческой. Собор принял решение следовать «греческому» канону. Однако, по мнению членов кружка бывших боголюбцев, в который входил раннее и протопоп Аввакум, реформа церкви, проводимая Никоном, должна была следовать традициям Стоглавого собора 1551 года [см.: Из «Дела патриарха Никона»]. Стоглав в главе 31 говорит о двуперстном крестном знамении: «Правую бы руку, сиречь десницу, уставливали по крестному воображенію: большей палец да два нижний перста воедино совокупив, а верхний перст с середним

совокупив, простер и мало нагнув. Тако благословити святителем и иереом, и на себя крестное знамение рукою возлагати двема персты» [Стоглав].

Говоря в Житии о правиле «сложения перст», Аввакум опирается на святоотеческие тексты: *«По преданию святых отец подобает сложити три перста: великий и мизинец и третий подле мизинаго, – всех трех концы вкупе; се являет триипостасное божество – Отца и Сына и Святаго Духа»* и *«Тако научиша нас персты слагати святии отцы»* [Житие 1991: 79]. Таким образом, автор дает святоотеческое обоснование противоправности введения троеперстия, а затем расширяет его ссылками на канонические и житийные тексты: *«Писано о сем во многиз книгах: во псалтырях и в Кирилове, и о вере, и в житъе Мелетиеве; везде одинаково святии о тайне сей по вышереченному толкуют»* [там же].

Реформа Никона, в глазах Аввакума, и есть тот самый факт изменения прежних, изначальных канонов, которые действовали на Руси с момента принятия Христианства: *«а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийскаго и Федорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека»* [Житие 1960: 101]. Далее Аввакум продолжает: *«Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудотворцы и Филипп, соловецкий игумен, от святых русских»* [Житие 1960: 101–102]. Постановления Стоглавого Собора 1551 года продолжали действовать и были упразднены только в 1667 году. Мы видим, что Аввакум при отстаивании своей позиции опирается на авторитеты святых отцов (начиная с 4 века н.э.), а также на Стоглав 1551 года. Цель протопопа заключается в сохранении древней традиции.

Таким образом, определение Аввакумом Никона как *отступника* является не оскорблением, а выражением тех церковноправовых норм, которые

фиксируются церковной традицией и Стоглавым Собором 1551 года и упраздняются в связи с принятием нового – никоновского – церковного канона.

3.1.2 Семантика правового термина *блядь* в Житии

Глава 42 Стоглава закрепляет произнесение сугубой аллилуйи: «...и повеле православным хрестьяном говорити сугубую аллилуйю, а третие “Слава тебе, боже”» [Стоглав]. Аввакум включает этот законодательный текст в корпус авторитетных источников в обосновании собственной оценки преступности деяний Никона: «У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской *бляди*; мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» [Житие 1960: 57]. Отметим, что содержание термина *отступник* в аввакумовском употреблении совпадает и с его пониманием, зафиксированным в главе 42 «Ответ о трегубой Аллилуйи» Стоглава, где прописан факт запрещения трегубой Аллилуйи – «*несть православных предание, но латынская ересь*» [Стоглав].

Терминологический характер получает использованное Аввакумом слово *блядь* в приведенном выше отрывке: «У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской *бляди*» [Житие 1960: 57].

По данным словаря И. И. Срезневского, *блядь* имеет значение обман, «вздорь, пустяки» и иллюстрируется примерами из богословских переводных источников XI–XIV веков: «Ихъ же (язычниковъ) *бляди* мьнѣ вся жрътвы», приводится и пример устойчивого сочетания «кощюнные *бляди*», то есть наносящие оскорбления религиозным идеалам, святыням, чувствам и т. д. [Срезневский 1: 123]. Таким образом, изначально термином *блядь* определялась языческая традиция, стоявшая в оппозиции к христианской, церковной. Аналогична семантизация в словаре В. И. Даля: отпадение от истиной веры, «впадать въ расколь или въ ересь» [Даль 1: 88]. В современной исторической лексикографии, термин *блядь* реализует два значения: «ересь, лжеучение» и «ложь, обман» [СлРЯ 1: 251]. Существенной является трактовка семантики

комментаторами изданий Жития: «лживая, дьявольская вера» [СлТС: 455], «обман, ересь» [СлДрС: 361].

В правовых источниках термин *блядь* приводится как многозначный. Так, М. А. Исаев выделяет значения «болтун, пустомеля» и «ложь, неправда, обман» [Исаев 2001: 17]. Раскрывая содержание термина во втором значении («нередко в церковных текстах в переносном смысле означало идолопоклонство, еретичество»), историк права в качестве примера приводит употребление глагольного деривата в «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева: *«И оттого времени расколники по царствующему граду ходити явно по площадям и по торгу перестали доселе, таино же и ныне во дворахъ, яко слышится, блядословятъ»* [там же]. Аналогично определение значения термина в словаре прот. Г. М. Дьяченко: «обманъ, заблужденіе» [Дьяченко: 49].

В главе 63 Стоглав отмечает, что подобные правонарушения должны быть рассмотрены только в юрисдикции церковного законодательства: *«урекание три бляднею и зелий, и еретичеством <...> те все суды церквам божиим даны суть прежде нас по законом и по правилом святых отец крестьянскими цари и князи во всех крестьянских людех. И царю, и князю, и бояром, и судиям в те суды нельзе вступатися»* [Стоглав].

Номоканон 1653 года в правиле 20 определяет меру наказания для отступников: «да извержется, по четиридесят шестому правилу святых апостол» [Номоканон], то есть будет произведена процедура «лишения, снятия сана, титула (низложение, свержение)» [СлРЯ 6: 109].

3.1.3 Семантика правового термина *проклятие* в Житии

Наказание за нарушение церковного канона, по видению Аввакума, несет весь русский православный народ: гнев Божий, предзнаменованный затмением солнца, реализуется в опустошительной моровой язве (по мнению комментаторов Жития, чуме 1654 года [см.: Робинсон 1991: 308]); Никон же и его сторонники заслуживают церковного проклятия: «*Да будет **проклят** сице поюще*» [Житие 1960: 57].

И. И. Срезневский приводит глагол *проклинати* со значениями «призывать проклятие», «отвергать»: опираясь на материал Минеи XI века, он пишет: «в сознании средневекового человека проклятию подвергались кумиры и идольские капища», то есть то, что имело отношение к языческой обрядовости; «подвергать анафеме, отлучению от церкви»: например, «*Синодикъ есмь послалъ къ вамъ правыи Царегородскыи, по чему и мы здѣсь поминаемъ или еретиковъ **проклинаемъ***» [Срезневский 2: 1536].

Проклятию подлежали, согласно примеру из словарной статьи *проклятие* те, кто нарушал предписанные правила: в грамоте митрополита Псковского Киприана 1395 года было предписано «*по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити*» и проклятие тем, «*кто иметь не потому ходити*» [Срезневский 2: 1536-1537]. В исторической лексикографии семантика слова *проклятие* определяется следующим образом: «отлучение от церкви, анафема»; «отвержение» [СлРЯ 20: 153]. В. И. Далем разграничены толкования действия «проклинать, проклясть» в зависимости от сферы бытования понятия: в церковном понимании трактуется как предание анафеме, отлучение от церкви, а в гражданском быту – лишение благоволения, изгнание от себя, лишение наследства и общения. В одном из примеров к словарной статье *проклятство* характерное сопоставление атрибуции *проклятый* с *богомерзкий*, приравнивание их: «***проклятыя** или богомерзкия речи, дела, жизнь*» [Даль 3: 448]. В словаре церковных терминов *проклятие* – это «лишеніе благословенія и

осужденіе на злополучіе» [Дьяченко: 509], что позволяет соотносить его с термином *анафема* в значении «обещаніе предать что-либо всеистребляющему гнѣву и суду Божію. Въ книге Левитъ (27, 28-29) анафемою называется один видъ обетовъ (“всякъ же обѣтъ”) Богу, по которому предметъ, обѣцанный Богу “отъ чловѣка даже до скота”, не искупится, а **должен быть всегда преданъ смерти или уничтоженію** (выделено нами. – С. И.). Такой обѣтъ можно назвать обетомъ с заклятіемъ», являющимся «выраженіемъ гнѣва и суда Божія. Для произнесения обета съ заклятіемъ над чловѣкомъ, нужно знать опредѣленіе несомнѣнной на то воли Божіей» [Дьяченко: 509–510]. Отметим, что в словарной статьѣ приведена и мера наказания, а именно: смерть или уничтожение [там же]. По Библии, «закон Божий вообще изрекает *проклятіе* на всех нарушителей его: “**Проклят** всякъ, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге Закона” (Втор. 27:26 , Гал. 3:10)» [Библия].

Позиция Аввакума соответствует нормам Стоглава, где *проклятіе* определяется мерой наказания за отклонение от норм закона в целом ряде статей. Так, в главе 31 «О крестном знамении, како подобает архиереом и иереом рукою благословляти и знаменоватия. И прочим православным крестьяном знаменоватися и покланятися» дается подробное описание крестного знамении и указывается *проклятіе* как мера наказания за его нарушение: «Якоже предаша нам самовидцы и слуги божия слова святии апостоли и святии отцы, такоже подобает и всем православным крестьянам руку уставляти и двема персты крестное знамение на лице своем воображати и покланятися, якоже и преди рехом. Аще ли кто двема персты не благословляет, якоже и Христос, или не воображает крестного знамении, **да будет проклят**, святии отцы рекоша» [Стоглав].

Проклятіе как наказание за нарушение норм церковного права (обращение к волхву за предсказаніем исхода экспедиции на Мунгальское царство) Аввакум определяет и воеводе Афанасію Пашкову [см. подробнее:

Иванова 2014в: 99–101]. Но и сам Аввакум за свою деятельность – раскольническую в понимании реформированной церкви – в 1666 году был подвергнут этому наказанию: «*Мая 13. Аввакум и дьякон Федор расстрижены и преданы церковному **проклятию** в Успенском соборе*» [Малышев 1985: 300].

Таким образом, в 1653 году Никон начал последовательно и планомерно проводить церковную реформу, при этом на Первом соборе был выбран нетрадиционный для Руси на тот момент путь – греческий. В связи с чем, ревнители кружка благочестия, в их числе и протопоп Аввакум, стоявшие на позициях следования русской традиции, причисляли Никона и его соратников к отступникам, их реформу канона называли блядью и говорили о мере наказания – проклятии, опираясь на святоотеческие тексты и на Стоглавый Собор 1551 года, которые однако были упразднены с принятием нового – никоновского – церковного канона, согласно которому как раз деятельность Аввакума и его соратников являлась преступной и каралась наказанием – проклятием, ссылкой, заточением.

3.1.4 Семантика правового термина *лаяти* в Житии

Интерес представляет и использование Аввакумом глагола *лаяти*. В сюжете с волхованием Аввакуму было нанесено словесное оскорбление А. Ф. Пашковым: «он *лишо изляял* меня» [Житие 1960: 80].

По словарю И. И. Срезневского, *лаяти* имеет значение «кричать, бранить, браниться» [Срезневский 2: 13]; в исторической лексикографии дефиниция расширяется за счет дополнительных сем, выводимых из употребления в памятниках XVII века: «ругать, бранить, поносить кого-л.»; «бесчестить»: «*Вы [томские воеводы] поступаете напрасно в мой [кетского воеводы] присуд. тем меня лаєте, и мне о том писать государю.* Гр. Сиб. Милл. I, 412, 1604 г.» [СлРЯ 8.: 181]. Необходимо указать, что глагол *лаяти* терминологизируется в эпоху Московского государства. Именно тогда, по наблюдению М. А. Исаева, «это слово очень часто встречается в юридических актах. *Лаем* тогда стали называть преступления, связанные с оскорблением словом. Впервые этот термин встречается в У[ставной] Д[винской] Г[рамоте] – “А кто кого *излаеть...*”. В Соборное уложение 1649 «была введена целая система наказаний за бесчестие людей разных разрядов населения» [Исаев 2001: 49–50]. Так, в соответствии со статьями 28 – 89 главы X Соборного уложения, наказание «за бесчестье» духовенства дифференцируется в зависимости от чина потерпевшего: «за бесчестье» протопопа штраф назначался в размере от 50 до 5 рублей [СУ: 37]. Дополним, что *бесчестье* / *бещестие* как преступное деяние имеет значение «ругательство, оскорбление словом. <...> Наказывается достаточно строго» [Исаев 2001: 16].

3.1.5 Семантика правового термина *мятеж* в Житии

В ряде эпизодов Аввакум, описывая расстроенное состояние церкви, использует термин *мятеж*: *«Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, – а я вечерню пою, – и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, – один он Струна в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковный мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки»* [Житие 1960: 68]; *«До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна»* [там же: 101].

В словаре И. И. Срезневского *мятеж* имеет основное значение «волнение, смута», судя по приведенным примерам, характеризуется данное общественное явление с негативной коннотацией, например: *«приведи на кони народъ и дажь въ нею мятежь и разграбленіе. Прибытькъ бо цръкви створи мятежь и напасть. Гр. Наз. ХІв, 73. Бяше ему неполезно и людемъ на мятежь великъ и на брань. Новг. Іл. 6948 г. (по Арх. сп.)»* [Срезневский 2: 258]. Приобретая переносное значение «смущение, волнение, возбуждение» в Молении Даниила Заточника (*«Что есть жена зла? мирскы мятежь, ослѣвленіе уму...»*) [там же]), оно продолжает соотноситься с понятием зла, в ментальности древнерусского человека противостоящего божественному, христианскому. В словаре В. И. Даля дается схожее с предыдущими толкование и дополняется новыми конкретизирующими семами: «смятенъе, востанъе, народное волненъе; крамола, бунтъ, заговоръ на дѣлѣ» [Даль 2: 968]. В современной лексикографии слово *мятежь* приводится как многозначное, причем, для нашего исследования актуальны следующие дефиниции: «беспорядок»; «смута, мятеж, возмущение»; «смущение, волнение, тревога»: *«Таковыя убо скорби и смущения, таковыя мятежи внутреныя с внутр<ь>сущим супостатом связавшыяся. Ф. Прокопович. Сл., 28, 1709 г.»*; «ложное

представление, заблуждение» [СлРЯ 9: 350], что проявляется и в характеристике Аввакумом состояния церкви в результате реформирования, начатого в 1653 году.

Преступный характер этого деяния, состав преступления и меры наказания определены в главе I Соборного уложения «О богохульниках и церковных мятежниках», например, в статье 3: *«А будет кто во время святыя Литургии и в и(ы)ное церковное пение, вшед в церковь Божию, учнет говорити непристойные речи патриарху, или митрополиту, или архиепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину, и тем в церкви Божественному пению учинит мятеж, а государю про то ведомо учинится и сыщется про то допряма, и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь»* [СУ: 19], то есть за мятеж предусмотрено публичное телесное наказание кнутом.

3.2 Терминология права в челобитных протопопа Аввакума

В челобитных также нашли отражение правовые термины: *отступничество, блядь, мятеж и проклятие*, – с теми же значениями, что и в Житии.

Обратимся к эпизодам челобитных, в которых использован дериват правового термина *отступничество*, используемого в том же значении, что и в Житии. В оценке Аввакума действия Никона сопоставимы с действиями Юлиана и Феофила, первый, будучи римским императором, основываясь на философии Платона, возродил в Римской империи язычество, таким образом, явив пример отступнической деятельности; второй же – патриарх александрийский был противником Иоанна Златоуста: *«То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулиана и египтенина Феофила, патриарха Александрова града, и прочих еретик и убищ, яко христиан погубляти»*. [Челобитные АМ 1934: 285]. В пятой челобитной царю Алексею Михайловичу, пытаясь убедить в заблуждении и в важности отмены реформы, Аввакум говорит о том, что перед Богом самодержец будет держать ответ за поддержание «ереси погибельныя»: *«Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал, и ты тамо отвецати будещи сам всем нам»* [Челобитные АМ 1960: 197]. Также используется и глагольный дериват *отступят* в значении «отступления от догматов веры»: *«везде писано есть, что в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и исказят писания, и превратят, и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят»* [там же]. Так и в челобитной царю Федору Алексеевичу протопоп называет принявших церковную реформу – отступниками, к числу которых причисляет и московского патриарха Иоакима, ярого противника старообрядцев: *«отступником до вас нет дела»* [Челобитная ФМ 1934: 302].

В пятой челобитной использован глагольный дериват правового термина *блядь* – *блядословят*: *«Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во*

церковь, якож **блядословят** о нас никонияня, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском Жезле» [Челобитные АМ 1960: 196], значение которого определяется как «суесловить, говорить вздор» [СлРЯ 1: 250].

В первой челобитной царю Алексею Михайловичу Аввакум использует дериват правого термина мятеж – немятежно, говоря о бывшем, дореформенном состоянии церкви: «*Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет беспрестани, отнележе разодрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и **немятежно** ради его слез, и рыдания, и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение*». [Челобитные АМ 1934: 280 – 281].

Одним из наказаний по Стоглавому собору за отступническую деятельность является проклятие, которое, будучи правовым термином, фигурирует в четвертой челобитной царю Алексею Михайловичу в формах глагольного деривата при описании действий церковных властей: «*Да и заплутаев тех бог простит, кои меня **проклинали** и стригли: рабу господню не подобает свариться, но кротку быти ко всем*» [Челобитные АМ 1934: 291], а также в пятой: «*Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова – не только тово божия присещения. Егда мне темная твоя власти волосы и бороду остригли и, **проклявшие**, за твоим караулом на Угреше в темнице держали*» [Челобитные АМ 1934: 297], «*тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якоже меня ныне: волосы и бороду остригли, и **прокляли**, и в темнице затворили никонияня, пуще отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили*» [там же].

Таким образом, анализ широко употребляемых в XVII веке и не характерных для современной эпохи терминов *отступничество*, *блядь*, *проклятие*, *лаяти*, *мятеж*, дает представление об особенностях правового сознания человека того времени, в котором сосуществовали одновременно и

церковная, и светская нормы права, тесно взаимодействуя друг с другом, а церковное законодательство, являясь основой светского, а именно Соборного Уложения 1649 года, продолжало играть в разрешении правовых коллизий важную, а в некоторых случаях и первостепенную роль.

4 Семантические поля ключевых слов в Житии и челобитных протопопа Аввакума

4.1 Ключевые слова в Житии протопопа Аввакума

4.1.1 Ядерная зона правовой лексики в Житии протопопа Аввакума

Ключевыми словами в правовой лексике являются *отступничество*, *блядь*, *мятеж*, *лаяти* и *проклятие*.

Ядерным значением лексемы *отступник* является терминологическое значение «изменник, отступник; вероотступник» [СлРЯ 14: 42; Срезневский 2: 815], которое реализуется в Житии 23 раза в следующих формах: Им. п. ед. ч. – 2 раза; Вин. п. ед. ч. – 6 раз; Им. п. мн. ч. – 7 раз; Р. п. мн. ч. – 3 раза; Дат. п. мн. ч. – 2 раза; Тв. п. мн. ч. – 3 раза [см.: Приложение А], например: «*в то время [с весны 1653 года] Никон отступник веру казил и законы церковныя*» [Житие 1934: 67]; «*после отступники удавили его, Феодора, на Мезени, повеся на виселицу*» [Житие 1934: 120]; «*... отступники на Москве в огне испекли*» [Житие 1934: 129]; «*Тако и здесь подобает быти в пещере сей ко отступникам о имени Исус Христове*» [Житие 1960: 341];

Соотношение форм единственного и множественного числа 8 : 15 позволяет говорить о преобладании множественного числа, что обусловлено, вероятно, повествовательной стратегией автора – обличением в Житии не только конкретных, по его представлению, предателей православной веры, но и отступничества как такового.

В Житии используются дериваты *отступление*, *отступнический*, *отступать*, *отступити*, *отойти*, *отстать*, *отступитися*.

Ядерное значение существительного *отступление* – «отречение, отступничество (от веры, убеждений)»; «переход в другую веру, под другую власть» [СлРЯ 14: 42], «отступление, измена, отступничество» [Срезневский 2:

815] реализовано в формах Вин. и Д. падежа: среди описания Аввакумом «стязания» «Авраамия с московскими властями»: «*Павел крутицкой за бороду ево драл и по щокам бил своими руками, а он истиха писанием обличал их отступление*» [Житие 1934: 174], – и в отрицательном ответе протопопа Аввакума, старца Епифания и священника Лазаря на вопрос о том отрекаются ли они от старых порядков: «*мы вашему отступлению, а не исправлению не покарямся...*» [Житие 1960: 336].

В Житии ядерное значение содержат и две адъективные грамматические формы *отступническое*, *отступническая*, дефиницию которых словарь 11–17 вв относит к лексеме *отступникъ*, определяемой как «изменник, отступник; вероотступник» [СлРЯ 14: 42 – 43]. В Житии постановление собора 1667 года, которое запрещало «священнику самому крестить, исповедовать и причащать своих детей» [Гудзий 1934а: 405], Аввакум называет отступническим: «*запрещение то отступническое*» [Житие 1934: 109]. Протопоп и его сподвижники послали из Пустозерья в Москву в том числе «*и обличение на отступническую блудню*» [Житие 1934: 133].

Ядерной семантикой обладают и глагольные формы *отступай*, *отступити*, *отступят*. Например, грамматическая форма императива единственного числа *отступай* в эпизоде, когда втайне Дьякон Козьма поддерживал протопопа оставаться верным старому благочестию, хотя и приходил к нему с целью уговорить принять новые порядки [см.: Гудзий 1934а: 409]: «*протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!*» [Житие 1934: 122]. Словарная форма *отступай* – *отступати*, дефинируемая как «отречься, отказываться, отступаться» [СлРЯ, 14: 39]. В словаре И. И. Срезневского дается уточнение «отступать отъ догматовъ церкви, ерничествовать» [Срезневский 2: 814].

К той же словарной форме восходят две глагольные формы *отступити* и *отступят* со значением «отречься, отказаться, отступиться» [СлРЯ, 14: 40] (например, в Пустозерском сборнике Жития 1675 года: «*В Сибири при мнѣ*

добръ был, а опосль проглотил ево дьявол, отступил же от вѣры» [там же]), в том числе «отступить отъ догматовъ вѣры» [Срезневский 2: 814]. В послании протопопа и его сподвижников выражена решимость оставаться верным дореформенному порядку до самого конца: «... и прежняго благочестия **отступити** не хощем, и старых святых книг и догматов не оставляем, но за них и умерети хотим» [Житие 1960: 336].

Лексема *блядь* с ядерным значением «ересь, лжеучение» [СлРЯ 1: 251]. В словаре трудных для понимания слов обозначено, что *блядь* употреблено в сочинениях протопопа Аввакума в том числе и в значении «лживая, дьявольская вера» [СлТС 2012: 369]. В Житии содержится 4 словоформы единственного числа: в форме Им. п. – *блядь*, в форме Д.п. – *бляди*, в форме В. п. – *блядь* (2 словоформы). Причем отметим, что в трех контекстах словоформы связаны с адъективными словоформами лексемы *римский*: в форме Д. п. – «У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не **четыржи, по римской бляди**» [Житие 1934: 68 – 69], в форме В. п.: «И мне Христос подал – посрамил в них **римскую ту блядь** Дионисием Ареопажитом, как выше сего в начале реченно» [Житие 1934: 131], «Едучи, по градом слово божие проповедал, обличая никониянство, **римскую блядь, пестрообразную прелесть**» [Житие 1960: 325].

Также в Житии встречаем ряд дериватов с дефиницией, согласующейся с ядерным значением ключевой лексемы. Например, *блядет* со значением «заблуждаться, ошибаться», «впадать в ересь» [СлРЯ 1: 251], «суесловить» [Срезневский 1: 123 – 124] в эпизоде собрания у Федора Михайловича Ртищева, на котором Симеон, как его называет протопоп, «Семенка» [Житие 1960: 331], и Аввакум общались, в результате чего протопоп отмечает, что Симеон Полоцкий – сторонник реформы Никона: «И я [протопоп] ему [Симеону] рек: «откуда ты, батюшка?» он же отвеца: «я, отеченька, из Киева». А я вижю, яко римлянин. У Феодора Ртищева с ним от писания в полатке до тово щиталися, — **вся блядет по уставу римскому**» [Житие 1960: 331 – 332], – а

значит, по представлениям протопопа, Симеон следует «лживой, дьявольской вере» [СлТС 2012: 369].

В этимологическом словаре М. Р. Фасмера в статье «*бляду, блясти*» со значением древне-русской лексики «*заблуждаюсь, ошибаюсь*», дается комментарий, что *бляду* связаны отношением чередования с *блуд* [Фасмер 1: 180], среди значений которого в том же лексикографическом источнике даны «ошибка», «заблуждение», «заблуждаться, ошибаться», как и сказано о чередовании, вкуче с обозначенным значением «помрачение взора, ума», а также «блуждать», «слоняться, шататься», «ослеплять» [Фасмер 1: 177].

Интересной для исследования является и словарная статья Е. Э. Будовской «Блуждать», в которой данное действие или состояние связано с непосредственным вмешательством «нечистой силы», и чтобы выйти из состояния блуждания следовало «помолиться или выругаться», обратиться к Господу [Славянские 1: 197 – 199].

Существенной является ремарка в словаре В. И. Даля: в статье *блудь* содержится замечание о том, что данная лексема вместе со своими дериватами, имея двойное значение: народное, обозначающее как отклонение от прямого пути, в том числе и в переносном смысле; и церковное или книжное – относимое к незаконному безбрачному сожителю, к прелюбодеянию, – наделена рекомендацией неупотребления в обществе: «посему, слова эти лучше въ общежитіи избѣгать» [Даль 1: 88].

Непосредственно ядерным значением «ересь, заблуждение», как и в приведенном в статье примере из Пустозерского сборника: «*Дамаскинъ не исповѣдаетъ вочеловѣчения Христова, тремя перъсты крестяся, а Малакса не исповѣдасть святыя тройцы благословляя, но толкуеть Исуса Христа одново в перъстахъ. И смѣхъ и горе ихъ блудня видя*» [СлРЯ 1: 246], – обладает и лексема *блудня*, встречающаяся в Житии в 5 грамматических формах единственного числа, в родительном, винительном и предложном падежах: *блудни, блудню, блудне*. В эпизоде в Юрьевце в форме генитива: «*Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: “убить вора, блядина сына,*

да и тело собакам в ров кинем!» [Житие 1934: 78]. В форме аккузатива присутствует в ответе на печаль супруга, в словах поддержки и благословения Анастасии Марковны: *«Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие попрежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, – обличай блудню еретическую!»* [Житие 1934: 112]. В той же грамматической форме дается лексема при описании отправленных из Пустозерья в Москву документах: *«И я из Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных».* Отметим, что, в понимании протопопа Аввакума, *блудня* – это конкретные церковные реформенные изменения, в том числе и грамота, в которой дается предписание, как служить по новым правилам. В грамматической форме препозитива в Житии Аввакум сравнивает Никона с птицей и говорит, что если бы тот покался в своем отпадении «от истинной веры» (как дано в словаре, прилагаемом к Житию [СлТП 2012: 369], то был бы прощен в числе прочих, так как Евангелие от Матфея говорит: «любите враги ваша и благотворите»: *«Я бы и Никона отступника простил, как бы он покался о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица: залетела в пустые дебри непроходимые, возвратитися не хочет; питается червьями и змиями и на селах рожцы ядые со свиньями, а ко отцу возвратитися не хочет и не уйдет от руки господни»* [Житие 1934: 168]. В той же грамматической форме и в эпизоде, связанном с просвирой, над которой была служба, проведенная попом «по старому», но не покаявшимся о следовании прежде пореформерным указаниям. Непокаяние священослужителя об отступлении стало причиной мучения протопопа бесами и его болезни: *«... сидящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынятую со крестом Христовым. Аз же,*

облазняя, взял ея и хотел потребить на утро, чаял — чистая православная над нею была служба, понеже поп старопоставленной служил над нею, а до того он, поп, по новым служил книгам и паки стал служить по старому, не покаявся о своей **блудне**. Положа я просвиру в углу на месте, и кадил в правило в вечер; егда же возлег в ночь ту, и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мне бесов полк <...>. Аз же, томяся, еле-еле назнаменовал Иисову молитву, и отскочиша и исчезоша беси; аз же, стоя и охая, недоумеюся: за что меня бес мучил? <...> Уразумел, яко просвиры ради от бесов обруган, выложил ея за окошко» [Житие 1934: 186].

Вербализованная императивная грамматическая форма с ядерной дефиницией «*заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины*». В Житии протопоп Аввакум пламенно призывает оставаться верным, не отходить от истины: «*Не блуди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели*» [Житие 1934: 139]. Приведем и два других контекста Жития, в которых встречаются вербализованные грамматические формы, чьи дефиниции уже не могут быть обозначены ядерными. В форме индикатива прошедшего времени единственного числа мужского рода со значением «*блуждать; бродить, не зная дороги*» [СлРЯ 1: 244] встречаем лексему в рассказе Еремея, сына Афанасия Пашкова, об испытаниях, что выпали на его долю ввремя похода на «непослушников на тунгусские улусы» [Гудзий 1934а: 404]: «... войско у него побили все без остатку», затем «*ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам*» и он «*по каменным горам в лесу, не ядше, блудил семь дней, – одну съел белку*» [Житие 1934: 106]. В форме инфинитива со значением «*накостить, причинять ущерб*» [СлРЯ 1: 245], применительно к человеку, а не только к животному, о чем есть указание в словарной статье, а именно применимо к Кирилушке, московском стрельце, которого протопоп «остриг» и которого дьявол проказничать заставлял, тем самым причиняя беспокойства Аввакуму: «*А в головах у него [Кириллушки] образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня [протопопа] не тронет. Как прииду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я*

закричу, так и сядет» [Житие 1934: 145 – 146]. В словаре В. И. Даля дается широкая дефиниция с пояснением, что *блудить* «въ народѣ» – это «прокудить, колобродить, проказить, шалить, портить что изъ шалости, скрытно поѣдать съѣстное или причинять иной убытокъ», «юж. и запд.» – «шкодить» [Даль 1: 88].

Необходимо сказать также, что этимологический словарь М. Р. Фасмера в статье «блазень» со значением «простофиля, проказник, шутник» дает старославянскую форму *блазнь* со значением «ошибка». С дефиницией «искушать, сердить» связаны русская глагольная лексема *блазнить* и старославянская *блазнити*. Также в словенском языке в наличии значение «приводить в смущение, в беспорядок», а в польском – «дурачить, сбивать с толку». Однако должно отметить, что словарь говорит о недостаточной обоснованности этимологического родства *блазень* с русской лексемой *блядь*, в значении «развратничаю», основой чего является «ошибочный закон деназализации» [Фасмер 1: 171 – 172]. В «Словаре трудных для понимания слов» *блазнить* определяется в произведениях Аввакума как «искушать, вводить в сомнение, соблазнять», что соотносимо с ядерным значением ключевой лексемы [СлТП 2012: 369]. Так в В. И. Даль определяет *блазнь* вместе с дериватами и как соблазн, соблазнительные слова и поступки, а также «соблазнять, искушать, смущать, совращать, наводить на грѣхъ», как в приведенном примере: «**Блазнить** меня нечистый, въ другой разъ *привидѣлся*». Кроме того, обозначено и значение «морочить, обманывать» [Даль 1: 84].

В словаре 11 – 17 веков *соблазнь* определяется, как «нечто, сбивающее с правильного пути: обман; препятствие; опасность, ловушка», в том числе и переносном значении [СлРЯ 26: 17 – 18], а также «соблазн, искушение, повод ко греху» [там же]. Так и Аввакум ссылается на тексты Евангелий, говоря о ситуации в церкви: «...писанное время пришло по Евангелию: “нужда **соблазнам** прийти”. А другой глаголет евангелист: “невозможно **соблазнам** не прийти, но горе тому, им же приходит **соблазн**”. Виждь, слышателю:

*необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради **соблазны** попускает бог...*» [Житие 1934: 123], используя 4 грамматические формы: соответственно – 2 формы датива множественного числа, номинатива единственного и аккузатива множественного числа.

Аввакум использует цитату из Послания ап. Павла к римлянам, в котором фигурирует субстантивная форма: *«Того ради неослабно ища правды, всяк молися Христу, а не дряхлою душею о вере прилежи; так не покинет бог. Писанное внимай: “се полагаю в Сионе камень претыканию и камень **соблазну**”»* [Житие 1934: 163] и продолжает свою пламенную речь: *«вси бо не сходящиися с нами о нем претыкаются или **соблажняются**»* [там же], – в которой обнаруживается форма множественного числа индикатива глагола *соблажняться* со значением «изменять (вере); отречься, отворачиваться от кого-, чего-л» [СрЛЯ 26: 17]. Далее фигурирует в значении «обманываться, ошибаться, заблуждаться в чем-л.», «соблазняться» [СлРЯ 1: 234 – 235] в грамматической форме причастия множественного числа номинатива: *«Разумеешь ли сие: камень – Христос, а Сион – церковь, а **блзнящиися** похотолубцы и вси отступницы, временных ради о вечном не брегут, просто молвить, – дьяволу волю творят, а о Христове повелении не радят. “Но аще кто преткнется о камень сей, сокрушится; а на нем же камень падет, сотрыет его”»* [там же].

В эпизоде, связанном с просвирой в значении «ошибиться, впасть в заблуждение, соблазн» [СлРЯ 12: 65] в грамматической форме деепричастия единственного числа использован глагол *облазнитися* при поясни Аввакумом своего мотива взятия просвиры: *«Аз же, **облазняся**, взял ея и хотел потребить на утро, чаял — чистая православная над нею была служба, понеже поп старопоставленной служил над нею, а до тово он, поп, по новым служил книгам и паки стал служить по старому, не покаывая о своей блудне»*. [Житие 1934: 186].

Со значением «вводить в грех, соблазн», также относимым нами к ядерной зоне ключевой лексики, употреблен дериват *соблажняти*,

используемый в форме единственного числа первого лица индикатива настоящего времени при обращении Аввакума к Господу из темницы: «*Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонюю. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землю меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю*» [Житие 1934: 145].

Адвербализованная грамматическая форма *блазновато* в значении «стыдно» [СлТП 2012: 369] использована в характеристике ситуации, связанной с девицей Анной, которую дьявол совратил, что захотелось ей замуж за Елизара [см. ранее]: «*Блазновато, кажется, — да было так*» [Житие 1934: 151]. Отметим, что лексикографический источник дает семантику «невероятно, похоже на колдовство» [СлРЯ 1: 235], используя приведенный контекст из Жития, что обосновывает наше соотнесение данной лексемы с ядерной зоной.

Ядерной дефиницией лексемы *мятеж* для нашего исследования является «беспорядок», «смута, мятеж, возмущение», в том числе «ссора, раздор»; а также «ложное представление, заблуждение» [СлРЯ 9: 349 – 350]. В эпизоде наказания дьяка Ивана Струны за преследования дьячка Антония «по судному церковному делу» [Гудзий 1934а: 395] наша лексема фигурирует в грамматической форме аккузатива единственного числа, причем отметим сочетание с адъективом, уточняющим значение – ключевой лексемы и позволяющим нам соотносить его с ядерной дефиницией: «*Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же Антон утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван <...> во ин день прииде ко мне в церковь <...> и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, — один он Струна в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковный *мятеж* постегал ево ремнем нарочито-таки*» [Житие 1934: 84]. Обоснованность определения протопопом

действий Ивана Струны подтверждается Н. К. Гудзием, согласно комментарию которого дьяк в отсутствие архиепископа Симеона «сильно злоупотреблял своим положением», что стало очевидно по возвращении в Тобольск архиепископа. «В духовных судных делах Страна “правых винил, а виновных оправливал для своей бездельной корысти”» [Гудзий 1934а: 395]. «Сродницы же Струнины, попы и чернцы» [Житие 1934: 84] преследовали протопопа, чтобы погубить, Аввакум скрывался от них, в том числе и у воеводы, о чем в редакции В сказано: *«Княгиня меня в сундук посылала: “я-де, батюшко, над тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам”. И воевода от них мятежников боялся, лишио плачет, на меня глядя»*, – с использованием деривата мужского рода множественного числа мятежников со значением человека, вызывающего мятеж, смуту, проявляющего неповиновение; бунтовщика [СрЛЯ 9: 350], как и в дополнении к Актам историческим: *«Церковные расколники и мятежники»* [там же], что соотносимо с ядерной дефиницией.

С ядерным ключевым значением соотносится лексема *смутил*, определяемая как «расстроить, подорвать; нарушить» [СлРЯ 25: 218], которая фигурирует в грамматической форме индикатива прошедшего времени мужского рода в рассказе о деятельности Арсения Грека характеризует его деятельность, как «еретика», за что был сослан в Соловецкий монастырь по свидетельству патриарха Паисия: *«Сослан был при Иосифе патриархе по свидетельству иерусалимскаго патриарха Паисея, <...> с дороги писал: остася-де на Москве чернец Арсений Грек, и был-де он в трех землях и три царства смутил и трижды Христа отвергся. И вы-де его блюдитесь. И уведавшие о нем, царь Алексей и Иосиф патриарх, яко Арсений еретик лют есть и богоотметник, и сего ради повелеша его заточити в Соловецкой монастырь»* [Житие 1960: 314].

4.1.2 Приядерная зона семантического поля правовой лексики в Житии протопопа Аввакума

В приядерной зоне со значением «отказаться, отступить от чего-л» [СлРЯ, 14: 36], «оставить, отложиться, изменить» [Срезневский 2: 813] используется инфинитив *отстать* в эпизоде переправки узников протопопа Аввакума, дьякона Федора и суздальского попа Никиту в Никольский монастырь на Угреше (в 15 верстах от Москвы), когда протопоп говорит о «врагах божьих»: «Сами видят, что дуруют, а *отстать* от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять!» [Житие 1934: 123].

В форме инфинитива *отыти* со значением «отойти» [СлРЯ 14: 76], «удалиться, исчезнуть, отступить» [СлРЯ 13: 289], в том числе и в переносном смысле, встречаем при рассказе о желании духовной дочери протопопа, Анны, выйти замуж за Елизара, первого ее хозяина, у которого она выросла, будучи привезенной из плена кумыков: «Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня *отыти* и за первова хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда» [Житие 1934: 151]. В словаре И. И. Срезневского в статье *отыти* истолковывается как «уйти», «перейти, отойти, быть отданным» [Срезневский 2: 788-789].

Адъективную грамматическую форму номинатива множественного числа *блудныя* с приядерным широким значением «заблуждающийся», толкуемое способом постановки синонима «то же, что блудникъ» (в знач. 1, 2) [СлРЯ 1: 246]. Второе значение *блудникъ* – это «тот, кто заблуждается» [СлРЯ 1: 245]. Рассказывая о Феодоре, уроженце Мезени, удавленном на виселице за «подвиг» верности старому благочинию, протопоп замечает, что не смотря на испытания, мучения, которые были в судьбе Феодора, Господь помогал: «Домой приехав, житие свое девством прошел, бог изволил. Многие борьбы *блудныя* бывали, да всяко сохранил владыко: слава богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро,

он уже скончал свой подвиг; как-то еще мы до пристанища доедем?» [Житие 1934: 174].

Глагольный дериват в грамматической форме индикатива множественного числа 3-го лица настоящего времени *мятут* со значением «пренебрегать, проявлять неуважение» [СлРЯ 9: 348], относимый к приядерной зоне, использован в обосновании трагических событий эпидемии, ставшей последствием нарушения, по мнению протопопа, божественных законов, о чем были предупреждения – знамения, характерные для сознания эпохи Средних Веков [см.: Иванова 2012]: *«Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в мор с женами и с детьми; и многия друзья и сродники померли. Излиал бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались горюны однако, — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковный раскол: мор, меч, разделение; то и сбылось во дни наша ныне»* [Житие 1934: 86], – таким образом, пренебрежение, неуважение верою, церковью, молитвою, службами и др. стало причиной гнева Бога, следствием которой явилась эпидемия.

Дореформенное состояние церкви характеризуется дериватом *немятежна*: *«До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна»* [Житие 1934: 130], – лексема представлена в грамматической адъективной форме женского рода единственного числа номинатива, образованным при помощи негативной приставки, используемый в значении «не знающий смут, ничем не тревожимый, спокойный» [СрЛЯ 11: 179], являющимся антонимичным дефиниции лексемы *мятежный*, соотносимой с ядерной «смущающий душу», «относящийся к мятежу, смуте; крамольный, бунтовской» [СлРЯ 9: 350 – 351].

Согласно М. Р. Фасмеру *мяту*, *мясти*, *мятеж* связаны чередованием гласного с *мутить*, *мучу мутовка* [Фасмер 3: 18, 32]. В эпизоде с Иваном Струной дериватный индикатив *возмутили* в грамматической форме множественного числа прошедшего времени использован при описании атмосферы в Тобольске, враждебной к протопопу, что стало следствием

действий родственников дьяка: «Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь **возмутили** град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести» [Житие 1934:84]. Дефиниция глагола по лексикографическому источнику определяется как «поднять смуту, мятеж», в том числе и «подстрекнуть (к смуте, бунту)» [СлРЯ 2: 297], что дает основание отнести к приядерной зоне.

4.1.3 Периферийная зона семантического поля правовой лексики в Житии протопопа Аввакума

Значение *отступити* – «уйти от кого-л., покинуть, оставить кого-л.» [СлРЯ, 14: 40], в том числе «отойти, отдалиться», «удалиться, воздержаться» [Срезневский 2: 814], будучи в зоне периферийной, используется в следующем эпизоде в глагольной форме: в Тобольске духовной дочери Анне Аввакума Господь беса послал, что взбешивалась девица много раз, в ответ на что протопоп, заботясь о ней, благословлял ее крестом, водою кропил, «*так и отступит от нея бес*» [Житие 1934: 151].

В лексико-семантическое поле, в периферийную зону, *отступник* входит индикативная грамматическая форма пр. вр., 3 лица, ед. числа *отступился*, использованное в значении «*отказаться в чью-л. пользу, уступить что-л. кому-л.*» [СлРЯ 14: 41], «*уступить*» [Срезневский 2: 815]. В эпизоде отнятия начальником дочери у матери, протопоп, претерпя насилие, что «до смерти» его «задавили» [Житие 1934: 74], спустя время пришел в себя. И начальник, увидев это, «*устрашася, отступился мне [протопопу] девицы*» [там же].

В значении «*покинуть, оставить кого-л.*», в том числе и метафорически [СлРЯ 14: 42], «*отказаться, отстать, перестать делать*», «*отойти, отдалиться*», «*удалиться, воздержаться*» [Срезневский 2: 814] в двух эпизодах использованы индикативные глагольные формы прошедшего времени *отступитися*. Во время пребывания протопопа на Мезени супруга Евдокия воеводы Алексея Цехановицкого (пана) тяжело заболела после родов и бесы ее мучали сильно, после лечения супруга «вареным пивом с корением и с бедою» [Житие 1934: 185], несмотря на улучшения, стало Евдокии снова худо, пока Аввакум молебен не отпел, не помазал ее маслом и водою не кропил, беси не «*отступилися от нея*» [там же], т.е. не оставляли в покое, а продолжали мучить, изводить. При описании тяжелых испытаний, связанных с именем воеводы Афанасия Филипповича Пашкова, «великого озорника» (как его

называл архиепископ Симеон [см.: Бороздин]), протопоп Аввакум созвучно Симеону пишет в Житии: «*ум у него [Пашкова] отступился*», ведь «пытки жестокие – огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить – ано и умрет! <...> Все люди с голоду поморил, никуды не отпускар промышлять» [Житие 1934: 93] и т.д. В словарной статье *отступление*: **отступление ума** (разума) трактуется как «*сумасшествие, потеря рассудка*» [СлРЯ 14: 42].

К словарной форме *отступити* со значением «уйти от кого-л., покинуть, оставить кого-л.» [СлРЯ, 14: 40], «отойти, отдалиться», «удалиться, воздержаться» [Срезневский 2: 814] относятся 3 глагольные формы *отступиша, отступят и отступили*. Так в эпизоде с болезнью супруги воеводы Алексея Цехановицкого, Евдокия исповедовалась Аввакуму, который в свою очередь «*молебен пел*», «*воду святил и кропил ю*», в результате чего «*беси отступиша от нея*», оставили ее в покое [Житие 1934: 182]. Евдокия просила протопопа, указывая на чертей,: «*отченько мой, вот черти пришли, стужают мне, взять меня хотят; помолись, да отступят от меня!*» [Житие 1934: 184]. После совершения Аввакумом благословения, окропления места святой водою, супруга воеводы Алексея Цехановицкого сказала: «*отступили [черти], отченько...*» [Житие 1934: 184].

В значении «*отступить, отойти, отодвинуться на некоторое расстояние*», в том числе и в переносном употреблении [СлРЯ 14: 40], «*отдалиться*» [Срезневский 2, 814] используется грамматическая форма *отступя* при описании ситуации, когда протопоп не имел возможности «правило» исполнить. Он, «*отступя людей под гору или в лес*» [Житие 1934: 116], молился.

При описании событий переправки заключенных Аввакума, священника Лазаря и старца Епифания, которые к тому времени уже были «обруганы и острижены», говорится, что за ними постоянно следили: «*неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли, — берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали*» [Житие 1934: 175]. Адвербализованная словоформа *неотступно* употреблена

соответственно со значением «неотлучно», «неизменно, упорно, неотступно» [СлРЯ 11: 206], «постоянно» [Срезневский 2, 404].

Периферийное значение ключевой лексемы, проявляется в грамматических формах лексемы *выблядокъ*, как того, «кто рожден вне брака» [СлРЯ 3: 179], используемое в Житие в формах множественного числа. Так и протопоп, претерпевая тяжелейшие физические испытания, утешал себя посланием апостола Павла к евреям: «*Сыне, не пренемай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аже ли без наказания приобщается ему, то **выблядки**, а не сынове есте*» [Житие 1934: 90], в словах которого Аввакум находил поддержку, так как Господь посылает испытания дорогим для него чадам, своим детям.

Отметим, что в лексикографическом источнике в статье «выблядокъ» есть указание на использование данной лексемы в XVII века в качестве бранного слова, например, в актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси: «*Бутто ся Никитка Гор(б)цов того Куземку бил плетью и конем топтал, да и лаял блядином сыном звал и **выблядком***» [СлРЯ 3: 179].

В составе устойчивого словосочетания *блядинъ сынъ*, встречающегося в Житие в двух грамматических формах, именительного и винительного падежа, единственного числа, которое характеризуется как «ругательство» в словарной статье *блядинъ* [СлРЯ 1: 249]. Сам себя Аввакум иронично называет в эпизоде, связанном с Евфимием Стефановичем, который, будучи начальником, «рассвирепел» на протопопа и вместе со своими людьми приехал на двор Аввакума, где стрелял из луков и пищалей. В итоге оказался при смерти и просил привести Аввакума, за проступок перед которым теперь пришло наказание. Потому и в ответ на слова Неонилы, супруги Евфимия Стефановича, которая при встрече называет Аввакума «государь наш батюшко, <...>, свет наш кормилец!» [Житие 1934: 77], протопоп говорит: «*чюдно! давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга*

та: скоро повинился муж твой!» [Житие 1934: 77]. Так и во время служения протопопом в Юрьевце местные жители толпою избили батожем Аввакума, причем, как комментирует Н. К. Гудзий, не только за строгое соблюдение церковных правил, но и, по всей видимости, за строгое взыскивание протопопом налогов с населения в патриаршую казну [см. Гудзий 1934а: 387]. Воевода с пушкарями после происшествия обеспечили охрану двора протопопа, куда его отвезли. Однако это не остановило людей, которые с руганью пришли к месту нахождения Аввакума: *«Людие же ко двору приступают <...> Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: ‘убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!’»* [Житие 1934: 78]. Так и в событиях, связанных с юродивым Федором, который в ночи покинул заточение в Рязани и двигался в сторону Москвы, при этом посланные в погоню за ним не увидели его на дороге, проехали мимо в обе стороны: *«Помале-де оне [трое человек, «погоня на лошедях»] едут на встречу ко мне [Федору], лают меня: ушел-де, блядин сын, — где-де его возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня».* [Житие 1934: 127].

Восемь адъективных форм лексемы *блудный*, сопряженной в качестве прилагательного [СлРЯ 1: 245 – 246] с *блудь*, соотносимы с первым его значением – «распутство» [СлРЯ 1: 244]. В четырех словосочетаниях с разными грамматическими формами лексемы *дело* слово *блудный* в форме среднего рода предстает как во множественном, так и в единственном числе. Так в форме единственного числа датива при рассказе об одной девицы, которая пришла на исповедь к протопопу: *«Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшися, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя»* [Житие 1934: 72 – 73], в результате и сам Аввакум начал чувствовать в себе желание к распутным действиям: *«Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным»* [Житие 1934: 73], отметим, что в последнем случае *блудный* употреблен в форме единственного числа мужского рода инструментатива.

Возвращаясь к сочетаниям *блудный* с грамматическими формами лексемы *дело*, приведем контексты фигурирования форм множественного числа генитива, инструментатива и препозитива. В формах инструментатива и генитива соответственно встречается лексема при описании людей в Юрьевце, поднявшихся против Аввакума, учинивших насилие над протопопом (об этом сюжете уже говорилось ранее более подробно): «*Аз же внимах о исправлении людском; людие же одержими пиянством зело и исполнени **блудных** дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом божшим, а не покаряющихся истинне и от **блудных** дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове*» [Житие 1960:312]. В схожем с выше обозначенным описанием девицы, что пришла исповедаться о «согрешениях» своих, использована форма препозитива множественного числа: «*И некая девица прииде ко мне исповедати своя согрешения, исполненна **блудных** дел*» [Житие 1960: 311], в отличие от контекста, ранее обозначенного, включающего грамматическую форму единственного числа. Далее в повествовании данного сюжета при описании борьбы Аввакума с пробудившимся в нем желанием использованы еще 2 грамматические формы единственного числа, в сочетании с иными субстантивными лексемами: в форме мужского рода инструментатива и в форме среднего рода номинатива соответственно: «*Аз же, слышавше от нея, сатаниным наветом разгоревся **блудным** помыслом, падох на налой руками и мыслих, что сотворю, како бы избыти огня в себе паляща: и слепил три свещи, зажег, и положих руки своя на огонь и сожже; и оттоле угасло во мне **блудное** распаление*» [Житие 1960: 311].

Признаваясь, что хитростью вывез одного человека на Русь, спрятав его на дне карбаса и дав погоне отрицательный ответ на вопрос о нахождении этого человека на судне, протопоп использует адъективную лексему *блудный* форме женского рода единственного числа номинатива включенным в сравнительный оборот, который привносит собою в текст культурно-историческую составляющую, будучи отсылкой ко второй главе Книги Иисуса Навина, где содержится рассказ о том, как блудница Раав спасла двух юношей –

посланников Иисуса Навина, спрятав их на крыше от преследователей царя [см.: Гудзий 1934а: 405]. Сам себе Аввакум сравнивает с героиней Раав: *«Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су, – простите! – своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Иисуса Наввина людей, спрятал ево, положи на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули, — лишьо говорят: “матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!” А я, – простите бога ради, – лгал в те поры и сказывал: “нету ево у меня!” – не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез»* [Житие 1934: 107 – 108].

В продолжении данного сюжета, Аввакум рассуждает о правомерности его поступка, проводя параллель с Раав, с которой связана и субстантивная форма номинатива единственного числа *блудница* со значением «распутница» [СлРЯ 1: 245]: *«Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же сделала, да писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, порассудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите...»* [Житие 1934: 108]. В такой же грамматической форме, номинатива единственного числа, лексема *блудница* фигурирует в проповеднических словах, прославляющих святой дух: *«Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящещи: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всех дух святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует»*, при этом также содержится отсылка к Житию Федора Едесского, который «в ответ на попытку жены некоего князя соблазнить Федора, он исповедал свою христианскую веру, за что был замучен» [Гудзий 1934а: 403].

При использовании приема самоуничтожения протопоп Аввакум использует форму субстантива мужского рода единственного числа *блудник*: *«Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной»* [Житие 1934: 140], – используемое в значении «распутник», даваемое в лексикографическом источнике вместе с цитатой из Домостроя: *«А людей у*

себя держи дворовых добрых ... а не воръ бы был, ни бражник, ни зерщик, не тат<ь>, ни разбойник, ни блудник, ни всякому злу не творец» [СлРЯ 1: 245]. Также данная лексема, используемая протопопом в самоуничижении, может быть обозначена как «тот, кто заблуждается» [СлРЯ 1: 245], в зависимости от заложенного автором смысла.

В значении «совершить прелюбодеяние, вступить в незаконную половую связь», причем в более узком контекстуальном смысле «нарушить религиозные запреты в отношении супружеской жизни» [СлРЯ 23: 74 – 75] использована глагольная лексема «соблудити» в форме индикатива прошедшего времени мужского рода в эпизоде, когда в Тобольске привели к Аввакуму Феодора, мучимого бесом, причиной чего явилась близость с супругой вопреки религиозному запрету: *«А егда я был в Сибири, – туды еще ехал, – и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, наругая праздник, – жена ево сказывала, – да и взбесился» [Житие 1934: 148].*

В описании Дионисием явления солнечного знамения в двух грамматических формах множественного числа генитива и единственного номинатива женского рода употреблена форма адъектива «заблудный» в сочетании с лексемой «звезда». Сочетание «заблудная звѣзда» в лексикографических источниках обозначена как «планета» [СрЛЯ 5: 135]. *«Той же Дионисий пишет о солнечном знаменнии, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает» [Житие 1934: 66],* отметим, что о важности знамений и видений в жизни средневекового человека нами было ранее в статьях [см. подробнее: Иванова 2012; Иванова 2015: 88; Иванова 2016].

Путем сложения образована еще одна грамматическая адъективная форма аккузатива единственного числа мужского рода *блудолобный*, которая

обнаружена в эпизоде отказа протопопа Аввакума боярину Василию Петровичу Шереметеву летом 1648 года в Лопатицах в благословении его сына Матфея «бритобрадца»: *«Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобрадца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали»* [Житие 1934: 75 – 76]. Модная тенденция бритья бороды была привнесена на Русь в XVI веке с Запада, вызвав реакцию противоборства у деятелей церкви тех лет, которые в проповедях выступали против этого нововведения. Доводы данного противодействия были прежде всего обоснованы нравственными ценностями и связаны с тем, что, согласно комментариям к Житию, само «бритье бороды тогда имело эротический привкус и стояло в связи с довольно распространенным пороком мужеложства» [Гудзий 1934а: 385], на что, очевидно, опирался и Аввакум в эпизоде с Матфеем Шереметевым.

В адвербализованной грамматической форме *мятежно* со значением «неспокойно, тревожно», относимым к периферийной зоне ключевой лексемы *мятеж*, использован дериват, которым протопоп Аввакум характеризует атмосферу обедни, в которую он и дьякон Федор были расстрижены и прокляты: *«зело было мятежно в обедню ту»* [Житие 1934: 122].

К периферии со значением «прийти в замешательство, растеряться», «испугаться» [СлРЯ 25: 219 – 220] также относится и следующий дериват, представленный с отрицательной частицей в разделе дополнительных рассказов, опубликованных в издании Жития 1960 года. В повествовании о мучении бесами Евфимия, который *«бесится, кричит, и дрожит, и бьется»* [Житие 1960: 110 – 111], говорится, что Аввакум не потерял самообладание от такого поведения своего родного брата: *«Аз [протопоп] же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами»* [там же].

4.2 Ключевые слова в челобитных протопопа Аввакума

4.2.1 Ядерная зона семантического поля правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума

Глагольная форма *отступят* с ядерным значением «отречься, отказаться, отступить» [СлРЯ, 14: 40] «отступить отъ догматовъ вѣры» [Срезневский 2: 814] используется в последней челобитной 1669 года царю Алексею Михайловичу: *«Испытай, царю христианский, писание и виждь, яко в последняя времена исправления веры и обречения истинны нигде же несть и не будет, но везде писано есть, что в последняя времена **отступят** веры, а не исправят ю, и исказят писания, и превратят, и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят»* [Челобитные АМ 1960: 197].

В последней челобитной царю Алексею Михайловичу использован дериват в форме индикатива мн. ч. 3 лица: *«Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во церковь, якож **блядословят** о нас никонияня, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском Жезле, а инде и предотечами антихристовыми?»* [Челобитные АМ 1960: 196] с ядерным значением «суесловить, говорить вздор» [СлРЯ 1: 250].

Неприменно интересным для исследования является форма множественного числа аккузатива *соблазны* в Пятой Челобитной царю Алексею Михайловичу, используемая в контексте с ядерным значением, а также с дополнительным «беспорядок, смута; раздоры», «разногласия, противоречия» [СлРЯ 26: 17 – 18] и соседствующая с лексемой *раскол*, значимым понятием периода, ставшей обозначением конфликта протопопа Аввакума и патриарха Никона: *«Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматех их хотя едина ересь и хула на Христа бога и церковь его обрящется, ей, ради мы за них прощаться пред всеми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом — **соблазны** или раскол — во церковь»* [Челобитные 1960: 196].

Согласно М. Р. Фасмеру, *мяту, мясти, мятеж* связаны чередованием гласного с *мутить, мучу мутовка* [Фасмер 3: 18, 32]. «Смута, смутить», как и «смущать» образованы, согласно этимологическому словарю, «от мутить» [Фасмер 3: 694]. В первой челобитной царю Алексею Михайловичу в двух адъективных грамматических формах единственного числа женского рода при описании состояния церкви: *«Я [протопоп] чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златоустый пишет на послание к ефесеом: «ничтоже тако раскол творит во церквах, якож во властех любоначалие, и ничтож тако прогневает бога, якоже раздор церковной». Воистинно, государь, смущенна церковь»* [Челобитные АМ 1934: 279 – 280], – то есть состояние церкви после реформы Никона, по мнению Аввакума, характеризуется как беспокойное, атмосферой смятения, «растерянности»; охваченности «смутой, раздорами» [СлРЯ 25: 225], а значит соотносимо с ядерной дефиницией ключевой лексики *мятеж*.

4.2.2 Приядерная зона семантического поля правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума

Приядерное значением лексемы *мятежный* реализует его антонимический дериват *немятежный* со значением «не знающий смут, ничем не тревожимый, спокойный» [СрЛЯ 11: 179]. Далее значение соотносится с ядерной зоной «смущающий душу», «относящийся к мятежу, смуте; крамольный, бунтовской» [СлРЯ 9: 350 – 351].

В первой челобитной царю Алексею Михайловичу, при описании дореформенной ситуации на Руси, дериват использован *немятежно*, выступающий как категория состояния: *«Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет беспрестани, отнележе разодрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение»* [Челобитные АМ 1934: 280 – 281].

4.2.3 Периферийная зона семантического поля правовой лексики в челобитных протопопа Аввакума

В первой челобитной к царю Алексею Михайловичу в издании 1960 года в форме индикатива прошедшего времени мужского рода глагол *сблудил*, с которым, согласно контексту, более соотносимо значение периферийной зоны «уклониться, совратиться» [СлРЯ 23: 75], «заблудиться» [Срезневский 3: 643]. Эпизод связан с именем римского папы Фармоса (или Формоса), который после своей кончины «был обвинен в узурпации папского престола, предан духовному суду и проклят», причем данные сведения Аввакумом могли быть почерпнуты в Хронографе, в «Повести о белом клобуке» и в «Книге о вере» [Гудзий 1960: 413]. С Фармосом Аввакум сравнивает патриарха Никона, призывая отказаться от нововведений: *«Говорить много не смею, тебя бы, света, не опечалить; а время отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, сблудил во всем, яко Фармос древней. Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение...»* [Челобитные 1960: 190]. В издании 1934 в данном контексте использована форма *заблудил*, трактуемая впадением «в заблуждение» [СлРЯ 5: 134 – 135]: *«Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, заблудил во всем, яко Фармос древней»* [Челобитные 1934: 286].

В этой же челобитной идет отсылка к евангельской притче о человеке, пасшем овец и недосчитавшимся одной из них. В результате он оставляет стадо и отправляется на поиски заблудившейся овцы, а отыскав ее, приносит домой на своих плечах. Так и Господь приходит на помощь к заблуждающимся ради их спасения, «даже оставляя на время праведников», таким образом, устойчивое словосочетание *заблудшая овца* применительно к человеку, сбившемуся «с правильного жизненного пути» [см.: Фразеологический: 293]. Так и протопоп обращается к царю с просьбой о проявлении милости по отношению к Афанасию Пашкову, называя последнего заблудшей овцой, а

царя сравнивая со Христом: *«Помилуй, государь, царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстити своим праведным гневом царским, но взыщи ево, яко Христос заблудшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины»* [Челобитная 1934: 287], где *заблудшее* представлено в грамматической форме причастия среднего рода единственного числа аккумулятива.

В третьей челобитной царю Алексею Михайловичу, написанной протопопом в Холмогорах в 1664 году, использована глагольная форма индикатива единственного числа 1-го лица со значением «волноваться, беспокоиться»; «пребывать в смятении», а возможно, и даже выражающее чувство сокрушения или боязни [СлРЯ 25: 222 – 223] за своих близких, для которых дорога в ссылку может стать непосильной: *«С великою нуждею доволокъся до Колмогор; а в Пустозерской острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленех ездят. И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи»* [Челобитные АМ 1934: 288 – 289], – отнесена нам в периферийную зону лексико-семантического поля.

Таким образом, лексико-семантическое описание лексем *отступничество, блядь, мятеж*, характеризующих события и правовое сознание второй половины XVII века подтверждает на лингвистическом уровне их ключевую позицию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного анализа научной литературы нами выявлено, что личность протопопа Аввакума, его Житие и эпистолярная литература исследовались в разных аспектах историками государства (С. М. Соловьев, Н. М. Никольский), религии (С. А. Зеньковский, Н. И. Ивановский, Н. Ф. Каптерев, К. Я. Кожурин, И. Ф. Нильский), литературы (Д. С. Лихачев, В. И. Малышев, Е. О. Шацкий); текстологами (В. Е. Гусев, Н. С. Демкова), литературоведами (В. П. Адриянова-Перетц, Н. С. Выгон, Н. М. Герасимов, Н. К. Гудзий, Б. Илек, Д. С. Менделеева, О. Е. Осовский, О. Ю. Осьмухина, А. Н. Робинсон, Р. Ягодич), лингвистами (В. И. Борковский, В. В. Виноградов, Г. Х. Гилязетдинова, В. И. Иванова, Э. И. Коротаева, З. И. Набокина, А. А. Потебня, Н. В. Сафонова, С. И. Соболевский, З. К. Тарланов, В. А. Чернова, Л. М. Черняк, А. А. Шахматов, С. Г. Шулежкова). Однако несмотря на большой корпус исследований, Житие и челобитные не становились источником реконструкции средневекового правового сознания и средств его вербализации в неспециальном тексте, что, бесспорно, свидетельствует об актуальности исследуемой темы, о ее междисциплинарном характере и научной новизне.

В результате исследования нами выявлены сюжетные, структурные и лексические элементы текста как средства вербализации определенных черт правового сознания протопопа Аввакума.

Сюжеты Жития и челобитных, в которых отражаются противоправные по юридическим нормам и соответствующие законодательству времени действия, выявлены и проанализированы с привлечением сводов законов конца XVI – XVII веков (Стоглава, Соборного уложения 1649 года, Номоканона, Указов царя Алексея Михайловича). В результате к действиям, в которых зафиксирован факт нарушения норм церковного и светского законодательства, относятся следующие: оскорбление словом, избиение человека, покушение на

убийство, жестокое обращение с людьми, сокрытие преступника, обращение к языческому обряду волхования, к скоморошеским потехам; нарушение царского распоряжения; бесчинство в церкви и др. Такое большое количество сюжетов, освещающих преступные деяния, объясняется фактами неприятия и противодействия со стороны Аввакума осуществлению реформы Никона, мировоззрением Аввакума, стоявшего на позициях фанатичного следования религиозным правилам и их исполнения независимо от обстоятельств. Автор Жития, следуя библейскому примеру спасения человека, укрывает преступников (по юридическим нормам того времени), что является выражением первичности религиозной составляющей в правосознании Аввакума, о чем свидетельствуют и эпизоды его борьбы со скоморохами и волхованием.

Автор вводит в житийный нарратив разного рода документы, которые, по его мнению, объективизируют и обосновывают его позицию: челобитные, царские указы, сказки сопровождают описания ключевых событий жизни протопопа, например, указы о ссылке Аввакума на Лену, в Дауры и о возвращении на Русь, включение которых в произведение подтверждает высокую важность для правового сознания человека XVII века отношения к той или иной юридической коллизии царя. Это подтверждается и высокочастотным употреблением в деловой письменности эпохи челобитных, писавшихся на имя царя. Анализ содержания челобитных и сказок однозначно демонстрирует непреклонный характер Аввакума, его неспособность к компромиссу, твердость в следовании убеждениям «ревнителей благочестия» и, что главное, следование древней церковно-правовой традиции.

Анализ различной по тематике правовой терминологии, использованной протопопом, например, названия социальных групп (*архиепископ, протопоп, воевода, казак, митрополит, патриарх, царь*), виды официальных документов (*грамота, указ, челобитная*), преступные действия и деяния (*бить, оскорбить*), виды наказаний (*казнить, бити кнутом, посадити в тюрьму, посадити на чель*) и др., позволяет определить как ключевые термины *отступничество*,

блядь, лаяти, мятеж, обозначающие преступные деяния, *проклятие* как обозначение наказания. Доказательством их терминологического статуса является устанавливаемое в каждом конкретном случае их функционирование в законодательстве (светском и / или церковном) своего времени.

Лексико-семантическое описание лексем *отступничество, блядь и мятеж* и высокая употребительность в исследуемых текстах подтверждают их ключевой статус в отражении правосознания Аввакума как главной фигуры русского раскола.

Проведенный комплексный анализ разноуровневых средств вербализации правового сознания русского человека второй половины XVII века позволяет сделать выводы об одновременном сосуществовании и взаимодействии в сознании автора норм светского и церковного права и о первостепенной роли церковного права в разрешении юридических коллизий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Абдурахманова И. В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект : дис. ... д-ра. юрид. наук [Электронный ресурс] / И. В. Абдурахманова. – Ростов-на-Дону, 2009. – 589 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/transformatsiya-massovogo-pravosoznaniya-v-rossii-v-pervoi-chetverti-xx-v-istoriko-pravovoi->.

2 Абрамова Е. К. Лексика расспросных речей второй пол. XVII в. (По материалам о крестьянской войне под предводительством Степана Разина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Абрамова. – Л., 1975. – 21 с.

3 Аввакум <Петров А. П.> Челобитные царю Алексею Михайловичу / А. П. Петров // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – [М.] : Academia, 1934. – С. 279–298. (Челобитные АМ 1934)

4 Аввакум <Петров А. П.> Челобитные царю Алексею Михайловичу / А. П. Петров // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – [М.] : Гослитиздат, 1960. – С. 185–202. (Челобитные АМ 1960)

5 Аввакум <Петров А. П.> Челобитная царю Федору Алексеевичу / А. П. Петров // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – [М.]: Academia, 1934. – С. 299–302. (Челобитная ФА 1934)

6 Аввакум <Петров А. П.> Челобитная царю Федору Алексеевичу / А. П. Петров // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – [М.]: Гослитиздат, 1960. – С. 205–207. (Челобитная ФА 1960)

7 А<всеенко> В. Г. Художественное изучение раскола / В. Г. Всеенко // Русский вестник. – 1874. – №1. – С. 358–359.

8 Адрианова-Перетц В. П. Старообрядческая литература / В. П. Адрианова-Перетц // История русской литературы / под ред. В. А. Десницкого. – М., 1941. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 298–299.

9 Аракчеев В. А. Псковское восстание 1650 года: рождение бунта из антиномий средневекового сознания / В. А. Аракчеев // Псков: Историко-краеведческий журнал. – 2002. – №17. – С. 18–27.

10 Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. ... д-ра юрид. наук [Электронный ресурс] / Р. С. Байниязов. – Саратов, 2006. – 349 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/pravosoznanie-i-pravovoi-mentalitet-v-rossii>.

11 Бахарева А. Н. Формирование правосознания молодежи в 20-е годы XX века в Советской России : на примере Северо-Западного региона : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / А. Н. Бахарева. – СПб., 2007. – 159 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-pravosoznaniya-molodezhi-v-20-e-gody-xx-veka-v-sovetskoj-rossii-na-primere-seve>.

12 Библии. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия арх. Никифора [Электронный ресурс] // eАРХИВ [Электронный онлайн архив словарей. Библиотека словарей] – Режим доступа: http://earchiv.ru/bibliya_vethiy_i_novyiy_zavetyi/.

13 Благова Н. Г. Становление русской юридической терминологии в начальный период формирования национального языка : дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Н. Г. Благова. – Мурманск, 2002. – 375 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-russkoi-yuridicheskoi-terminologii-v-nachalnyi-period-formirovaniya-natsionalnog>.

14 Богдановский А. М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском языке до Петра Великого / А. М. Богдановский. – М. : Тип. Каткова и К°, 1857. – 148 с.

15 Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М. : Городец, 2002. – 623 с. (БЮС)

16 Борковский В. И. О некоторых типах простого предложения в сочинениях Аввакума / В. И. Борковский // Историко-филологические исследования. – М., 1967. – С. 30–36.

17 Бороздин А. К. Протопоп Аввакум / А. К. Бороздин. – 2-е изд. – СПб. : А. С. Суворин, 1900. – С. 69–71, 117.

18 Введенский В. В. Лексика приказного делопроизводства «Памятников южновеликорусского наречия. Отказные книги» / В. В. Введенский, В. В. Крючков // Проблемы истории русской лексики и терминологии : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 3–14.

19 Венгеров С. А. Аввакум Петрович / С. А. Венгеров // Критико-биографический словарь русских писателей: (От начала русской образованности до наших дней). – СПб., 1889. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 24–38.

20 Веселов П. В. Как составить служебный документ? / П. В. Веселов // Рус. речь. – М. : Наука, 1988. – № 1. – С. 48–49.

21 Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления / В. В. Виноградов // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 371–379.

22 Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – С. 3–41.

23 Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М. : Наука, 1978. – С. 254–287.

24 Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков. – Л. : ЛГУ, 1974. – 164 с.

25 Волков С. С. Иноязычная лексика в челобитных XVII века / С. С. Волков // Русское слово в историческом развитии (XIV-XIX века) / отв. ред. С. С. Волков, О. С. Мжельская. – СПб., 2012. – Вып. 6. – С. 3–15.

26 Выгон Н. С. Современная русская философско-юмористическая проза: Проблема генезиса и поэтики : дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Н. С. Выгон. – М., 2000. – 439 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-russkaya-filosofsko-yumoristicheskaya-proza-problemy-genezisa-i-poetiki>.

27 Герасимова Н. М. Поэтика «Жития» протопопа Аввакума / Н. М. Герасимова. – СПб. : СПбГУ, 1993. – 87 с.

28 Гилязетдинова Г. Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси : дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Г. Х. Гилязетдинова. – Казань, 2011. – 456 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vostochnye-zaimstvovaniya-v-yazyke-moskovskoi-rusi>.

29 Гудзий Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – М. : Наука, 1976. – 514 с.

30 Гудзий Н. К. Комментарий / Н. К. Гудзий // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – [М.] : Academia, 1934а. – С. 371–474.

31 Гудзий Н. К. Комментарий / Н. К. Гудзий // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М. : Гослитиздат, 1960. – С. 345–453.

32 Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление / Н. К. Гудзий // Житие Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. – [Л.] : Academia, 1934б. – С. 7–59.

33 Гусев В. Е. «Житие» протопопа Аввакума – произведение демократической литературы XVII в.: (Постановка вопроса) / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 380–384.

34 Гусев В. Е. Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 13 – С. 273–281.

35 Гусев В. Е. О жанре Жития протопопа Аввакума / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 15. – С. 191–202.

36 Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров – выдающийся русский писатель XVII века / В. Е. Гусев // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М. : Гослитиздат, 1960. – С. 5–51.

37 Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Тип. А. Семена, Тип. Лазаревского инс-та вост. языковъ, Тип. Т. РисЪ, 1863–1866.

38 Демин А. С. Для чего Аввакум писал первую челобитную? / А. С. Демин // Труды отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1969. – Т. 24. – С. 233–236.

40 Демин А. С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII века / А. С. Демин // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Наука, 1970. – Т. 25. – С. 220–231.

41 Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения) / Н. С. Демкова. – Л. : ЛГУ, 1974. – 168 с.

42 Демкова Н. С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума / Н. С. Демкова // Труды отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1969. – Т. 24. – С.228–232.

43 Демкова Н. С. Комментарии / Н. С. Демкова // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – СПб. : АЗБУКА, 2012. – С.291–363.

44 Демченко Т. И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни : дис. ... д-ра юрид. наук [Электронный ресурс] / Т. И. Демченко. Ставрополь, 2012. – 426 с. – Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/pravovoe-soznanie-v-drevnerusskoi-i-rossiiskoi-gosudarstvenno-pravovoi-zhizni>.

45 Дьяконов В. В. Теория государства и права [Электронный ресурс] / В. В. Дьяконов. – [2010]. – Режим доступа: <http://diakonov.ru/Bibl/TPG/TPG4-11.htm>.

46 Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь / Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Г. М. Дьяченко. – М. : Тип. Вильде, 1899. – 1159 с.

47 Евстратов А. М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920 – 1930-е годы : Историко-теоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук [Электронный ресурс] / А. М. Евстратов. – СПб., 2001. – 384 с. – Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/pravosoznanie-i-pravovaya-kultura-v-period-formirovaniya-sovetskogo-gosudarstva-v-1920-1930->.

48 Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI – XVII вв. / И. А. Елизаровский. – Архангельск : АГПИ, 1958. – 240 с.

49 Есипов В. В. Повреждение имущества огнем по русскому праву / В. В. Есипов. – СПб. : Тип. А. Ф. Маркса, 1892. – 355 с.

50 Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема / В. М. Живов // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 87–158.

51 Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – [М.] : Academia, 1934. – С. 61–195.

52 Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М. : Гослитиздат, 1960. – С. 53–122.

53 Житие Аввакума // Житие Аввакума и другие его сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона. – М. : Сов. Россия, 1991. – С. 27–82.

54 Зеньковский С. А. Русское старообрядчество [Электронный ресурс] / С. А. Зеньковский // Седмица.RU [Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия»]. – М. : Церковь, 1995. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439457/>.

55 Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Древнеславянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М. : Наука, 1981. – С. 10-31.

56 Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание: VIII Международного съезд славистов. – М. : Наука, 1978. – С. 221–240.

57 Иванова В. М. Бессоюзные сложные предложения с пояснением в конце части (На материале сочинений протопопы Аввакума) / В. М. Иванова // Проблемы общего и русского языкознания: сб. ст. – М.: МГПИ, 1972. – С. 229–242.

58 Иванова С. А. Блядь / С. А. Иванова. // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016а. – Вып. 3. – С. 67-69.

59 Иванова С. А. Вербализация вероотступничества как преступного деяния и наказания за него в «Житии протопопы Аввакума, им самим написанного» / С. А. Иванова. // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015а. – Вып. 2. – С. 88–93.

60 Иванова С. А. Житие протопопы Аввакума как источник изучения правового сознания русского средневековья: светское и духовное законодательство о колдовстве и языческих ритуалах / С. А. Иванова // XVII Международная конференция студентов-филологов (7–12 апреля 2014 г.) : [тезисы докладов]. – СПб. : СПбГУ, 2014а. – С. 128.

61 Иванова С. А. Ключевые термины права в наследии протопопа Аввакума [Электронный ресурс] / С. А. Иванова // Огарев-online. – 2016б. – №9. – 8 с. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/klyuchevye-terminy-prava-v-zhitii-protopora-avvakuma>

62 Иванова С. А. Мотив «вещего сна» в памятниках литературы Древней Руси / С. А. Иванова, М. А. Тростина // Актуальные проблемы филологии и журналистики : сб. науч. тр. Вып. 3. / редкол.: Ю. А. Мишанин (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 3. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014б. – С. 73–78

63 Иванова С. А. Символический смысл знамений, видений, чудес в памятниках литературы Древней Руси / С. А. Иванова, М. А. Тростина // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы II Междунар. науч. конф., Саранск, 23 - 26 мая 2012 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 450-454.

64 Иванова С. А. Средневековое правовое сознание в отражении Жития протопопа Аввакума / С. А. Иванова // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014в. – Вып. 2. – С. 98–104.

65 Иванова С. А. Функции экспрессивной лексики в произведениях протопопа Аввакума / С. А. Иванова // XLIII Огаревские чтения. Материалы научной конференции в трех частях. – Ч.3. Гуманитарные науки. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015б. – С. 186 – 190.

66 Ивановский Н. И. Протопоп Аввакум. Публичная лекция, читанная в Казани 23 марта 1896г. в пользу братства св. Гурия / Н. И. Ивановский // Православный собеседник. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1869. – Ч. 2. – № 5. – С. 18–61; № 6. – С. 135–155.

67 Из «Дела патриарха Никона» [Электронный ресурс] // Сто главных документов российской истории. – Режим доступа: <http://dok.histrf.ru/17/iz-dela-patriarkha-nikona/>.

68 Исаев И. А. История государства и права России : [учебник] / И. А. Исаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1994. – 797 с.

69 Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.

70 История русской литературы X – XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева. – М. : Просвещение, 1979. – 465с.

71 Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: Теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / З. Н. Каландаришвили. – СПб., 2004. – 202 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/deformatsiya-pravovogo-soznaniya-molodezhi-i-yuridicheskie-sposoby-ee-preodoleniya-teoretiko>.

72 Калачов Н. В. Значение слова «вор» и его производных в Уложении Алексея Михайловича / Н. В. Калачов // Летопись занятий Археографич. Комиссии. – СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1862. – Вып. 1. – С. 72–75.

73 Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович : в 2 т. / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1909 – 1912.

74 Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 368 с.

75 Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Науч. докл. Высш. шк. – Сер. филология. – М., 1967. – №1. – С. 57–69.

76 Киржаева В. П. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки / В. П. Киржаева // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. Вып. 1. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014а. – Вып. 1. – С. 6–14.

77 Киржаева В. П. Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет» / В. П. Киржаева // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы V Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 2014в. – С. 55–56.

78 Киржаева В. П. Средневековое правовое сознание в отражении Жития патриарха Никона / В. П. Киржаева // Юридическая лексика русского языка XI–

XVII век: материалы к слов.-справ. / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014б. – Вып. 1. – С. 90–97.

79 Киселев Г. С. Современный мир и «новое» религиозное сознание / Г. С. Киселев // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 18–33.

80 Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Новый лингвистический учебник / И. М. Кобозева // МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

81 Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов: Лекция / В. И. Кодухов // Ленингр. гос. пед. ин-т; отв. ред. Н. П. Гринкова. – Л., 1955. – 28 с.

82 Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум. Жизнь за веру / К. Я. Кожурин. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 396 с.

83 Комарович В. Л., Лихачев Д. С. Протопоп Аввакум / В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев // Литература 1590-х – 1690-х гг // История русской литературы: в 10 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 302–322.

84 Комментарии [Электронный ресурс] / Житие протопопа Аввакума (из Пустозерского сборника И. Н. Заволоко) // Книги по старообрядчеству. – Режим доступа: <http://oldbelief.chat.ru/zhitieza/frame2.htm>.

85 Коротаева Э. И. Наблюдения над синтаксисом Григория Котошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого / Э. И. Коротаева // Начальный этап формирования русского национального языка : сб. ст. / редкол.: Б. А. Ларин (отв. ред.) [и др.]. – Л. : ЛГУ, 1961. – С. 63–84.

86 Котков С. И. О памятниках народно-разговорного языка / С. И. Котков // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 37–45.

87 Кушнир М. И. Древнерусский летописный текст как источник юридического документа: теоретико-методологический анализ / М. И. Кушнир // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI. – № 2. – С. 207–217.

88 Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/380c.html> (ЛЭС)

89 Лихачев Д. С. О филологии / Д. С. Лихачев. – М. : Высш. шк., 1989. – 208 с.

90 Лихачев Д. С. Открытие ценности человеческой личности в демократической литературе XVII века / Д. С. Лихачев // Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970. – С. 136–146.

91 Майоров А. П. Русские челобитные XVII в. (явочные, изветные и другие) / А. П. Майоров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 44 с.

92 Макарова Е. И. РКП(б) и формирование правосознания бойцов Красной армии (1918 – 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / Е. И. Макарова. – М., 2007. – 226 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rkpb-i-formirovanie-pravosoznaniya-boitsov-krasnoi-armii-1918-1920-gg>.

93 Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917-1953 годов / В. И. Малышев // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 10. – С. 435–446.

94 Малышев В. И. Две заметки о протопопе Аввакуме / В. И. Малышев // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX вв. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 344–352.

95 Малышев В. И. Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Малышев. – Л., 1967. – 51 с.

96 Малышев В. И. Как был найден автограф Жития протопопа Аввакума / В. И. Малышев // Русский голос. – Варшава ; Лодзь, 1962. – № 10. – С. 5.

97 Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» / В. И. Малышев // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома / отв. ред. А. М. Панченко. – Л. : Наука, 1985. – С. 277–322.

98 Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме / В. И. Малышев // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 9. – С. 387–402.

99 Малышев В. И. Новое об Аввакуме / В. И. Малышев // Русский голос. – Варшава ; Лодзь, 1965. – № 12. – С. 5.

100 Маньков А. Г. Комментарии / А. Г. Маньков // Соборное уложение 1649 года. – Л. : Наука, 1987. – С. 139–400.

101 Менделеева Д. С. Художественное мировоззрение протопопа Аввакума : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Д. С. Менделеева. – М., 2002. – 157 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-mirovozzrenie-protopora-avvakuma-semantic-izobrazheniya-otritsatelnykh-ger>.

102 Мигущенко О. Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области) : дис. ... д-ра юрид. наук [Электронный ресурс] / О. Н. Мигущенко. – М., 2008. – 439 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-sotsialno-ekonomicheskoi-politiki-gosudarstva-na-formirovanie-pravosoznaniya-selsko>.

103 Момина М. А. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVII в. (На материале «Описания Китая» Н. Г. Спафария) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Момина. – Л., 1965. – 18 с.

104 Набокина З. И. Флекссионный способ выражения родовой принадлежности существительных в сочинениях протопопа Аввакума / З. И. Набокина // Ученые записки Горьковского университета. – Горький, 1970. – Вып. 114. – С. 176–203.

105 Нейстат А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917 – 1929 гг. : Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / А. А. Нейстат. – Москва, 2000. – 310 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-pravosoznaniya-i-khudozhestvennaya-literatura-v-sovetskoj-rossii-1917-1929-gg-u>.

106 Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума / В. К. Никольский // Ученые записки Института истории (РАНИОН). – М., 1927. – Т. 2. – С. 137–167.

107 Никонианство [Электронный ресурс] // Старообрядческое обозрение. – Режим доступа: <http://starover.ucoz.ru/publ/1-1-0-1>.

108 Нильский И. Ф. Заметки по поводу изданных Д. Е. Кожанчиковым сочинений о расколе / И. Ф. Нильский // Христианские чтения. – СПб., 1862. – № 7. – Ч. 2, отд. 3. – С. 65–110.

109 Номоканон 1653 [Электронный ресурс] / Канон – Свод законов православной церкви. – Режим доступа: <http://www.agioskanon.ru/nomokanon/>.

110 Опарина Т. А. Неизвестный Указ 1653г. о запрещении колдовства / Т. А. Опарина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2002. – № 9. – С. 88–91.

111 Осовский О. Е. Обличение и приговор в эпистолярной протопопа Аввакума / О. Е. Осовский // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – Вып. 1. – С. 105–118.

112 Осокин Е. Г. Внутренние таможенные пошлины в России / Е. Г. Осокин. – Казань : Губ. тип., 1850. – 184 с.

113 Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760 – 1830-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / О. Ю. Осьмухина. – Саранск, 2009. – 495 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/avtorskaya-mask-a-v-russkoi-proze-1760-1830-kh-gg>.

114 Памятники русского права / [С. В. Юшков, А. А. Зимин и др.] ; отв. ред. В. Ю. Софронов. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952–1961. – Вып.1–8.

115 Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола / П. Паскаль. – М. : Знак, 2010. – 680 с.

116 Пащенко И. В. Эволюция категорий русского средневекового правосознания : философско-правовой анализ : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / И. В. Пащенко. – Ростов-на-Дону, 2008. – 135 с. –

Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kategorii-russkogo-srednevekovogo-pravosoznaniya-filosofsko-pravovoi-analiz>.

117 Петровский В. В. О ключевых словах в художественной прозе / В. В. Петровский // Рус. речь. – М. : Наука, 1977. – № 5 – С. 54–57

118 Петрулевич И. А. Общность коллективных представлений правового сознания в условиях дифференциации современного российского общества : дис. ... д-ра социол. наук [Электронный ресурс] / И. А. Петрулевич. – Ростов-на-Дону, 2009. – 408 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/obshchnost-kollektivnykh-predstavlenii-pravovogo-soznaniya-v-usloviyakh-differentsiatsii-sov>.

119 Петрухин В. Я. Из древнейшей истории русского права. Игорь Старый – князь-«волк» / В. Я. Петрухин // Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого. – М. : Наука, 1993. – С.125–133.

120 Робинсон А. Н. Аввакум и Епифаний: (К истории общения двух писателей) / А. Н. Робинсон // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 391–403.

121 Робинсон А. Н. Комментарий / А. Н. Робинсон // Житие Аввакума и другие его сочинения / сост., выступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсон. – М. : Сов. Россия, 1991. – С. 307–360.

122 Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века / А. Н. Робинсон // Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: исследование и тексты. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 3–135.

123 Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX веков / В. А. Рогов. – М. : Зерцало, ТЕИС, 1995. – 264 с.

124 Рузин С. В. Правосознание промышленных рабочих России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в трансформации Российского государства : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / С. В. Рузин. – Владимир, 2012. – 174 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/pravosoznanie-promyshlennykh-rabochikh-rossii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-v-i-ego-rol->.

125 Сарафанова Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протопopa Аввакума / Н. С. Сарафанова // Труды отдела древнерусской литературы – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 385–390.

126 Сафонова Н. В. Ментальная и языковая репрезентация концепта благо/добро в русском языковом сознании : дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Н. В. Сафонова. – Тамбов, 2004. – 497 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/mentalnaya-i-yazykovaya-reprezentatsiya-kontsepta-blagodobro-v-russkom-yazykovom-soznanii>.

127 Сергеев В. В. Роль лексических средств языка в формировании правосознания (На материале периодической печати) : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / В. В. Сергеев. – Тамбов, 2005. – 226 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rol-leksicheskikh-sredstv-yazyka-v-formirovanii-pravosoznaniya-na-materiale-periodicheskoi-p>.

128 Сергеев Ф. П. Русская терминология международного права XI–XVII вв. / В. В. Сергеев. – Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1972. – 258 с.

129 Сковородников А. П. О ключевых словах русского менталитета / А. П. Сковородников // Светлица. – 1993. – № 1. – С. 270–275.

130 Сковородников А. П. Ключевые слова менталитета / А. П. Сковородников // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 153–157.

131 Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.

132 Словарь древнерусских слов // Житие Аввакума и другие его сочинения / сост., выступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсон. – М. : Сов. Россия, 1991. – С. 361–366. (СлДрС)

133 Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28. (СлРЯ)

134 Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М. : Русский язык, 1985–1988. (МАС)

135 Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. (БАС)

136 Словарь трудных для понимания слов // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М. : Гослитиздат, 1960. – С. 454–469. (СлТС)

137 Словарь трудных для понимания слов // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения – СПб. : АЗБУКА, 2012. – С. 354–379. (СлТП 2012)

138 Соборное уложение 1649 года / редкол.: В. И. Буганов [и др.]. – Л. : Наука, 1987. – С. 15–136. (СУ)

139 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. [Электронный ресурс] / С. М. Соловьев. 1863. Т. 13. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_1130.shtml.

140 Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI – XVII вв. / Ф. П. Сороколетов. – Л. : Наука, 1970. – 384 с.

141 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. ИАН, 1893–1912.

142 Стоглав, собор 1551 года [Электрон. ресурс] // Архив и библиотечка свящ. Якова Кротова. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_04.htm.

143 Тарланов З. К. Textoобразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума / З. К. Тарланов // Труды отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1985. – Т. 39. – С. 410–416.

144 Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVI в. / Г. Г. Тельберг. – М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. – 342 с.

145 Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс] / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М. : МГУ, 1961. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649.htm>.

146 Токмачева И. В. Поручные записи как памятники русского языка : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / И. В. Токмачева. – М., 1983. – 153 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poruchnye-zapisi-kak-pamyatniki-russkogo-yazyka>.

147 Топоров В. Н. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями / В. Н. Топоров // Структурно-типологические исследования в области грамматики праславянских языков. – М. : Наука, 1973. – С. 124–133.

148 Трофимович Т. Г. Словарь названий лиц в Соборном уложении 1649 года / Т. Г. Трофимович. – Минск: БГПУ, 1998. – 56 с.

149 Успенский Б. А., Лотман Ю. М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. XV. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1982. – Вып. 15. – С. 110–121.

150 Успенский Б. А. Право и религия в Московской Руси / Б. А. Успенский // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории / под ред. Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский. – М. : Языки славянских культур, 2008. – Вып. I. – С. 122–179.

151 Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Р. Фасмер / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1986-1987.

152 Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 2-е изд. стер. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. – 543 с.

153 Фролов В. В. Судебная реформа 1864 года в России и ее отражение в правосознании российского общества середины XIX века : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / В. В. Фролов. – СПб., 2003. – 178 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sudebnaya-reforma-1864-goda-v-rossii-i-ee-otrazhenie-v-pravosoznanii-rossiiskogo-obshchestva>.

154 Харузин Н. Н. Къ вопросу о борьбѣ Московскаго Правительства съ народными языческими обрядами и суевѣрїями въ половинѣ XVII в. / Н. Н. Харузин // Этнографическіе обозрѣніе. – М., 1897. – № 1. – С. 143–151.

155 Чернов В. А. «Житіе протопопа Аввакума, им самим написанное», как памятник живого русскаго языка XVII века (опыт реконструкции фонет. системы индивида по письм. памятнику) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Чернов. – Л., 1974. – 22 с.

156 Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г / П. Я. Черных. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 372 с.

157 Черняк Л. М. Атрибутивные словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума / Л. М. Черняк // Вестн. Харьк. гос. ун-та. – Сер. филологии. – Харьков, 1965. – № 12. – Вып. 2. – С. 82–92.

158 Черняк Л. М. Конструкции с дательным беспредложным в «Житии» протопопа Аввакума / Л. М. Черняк // Вестн. Харьк. гос. ун-та. – Сер. филологии. – Харьков, 1965. – № 12. – Вып. 2. – С. 73–81.

159 Черняк Л. М. К вопросу об историческом изучении словосочетаний: (На материале «Жития» протопопа Аввакума) / Л. М. Черняк // Вопросы литературоведения и языкознания. – Харьков, 1965. – Вып. 2. – С. 103–105.

160 Черняк Л. М. Словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Черняк. – Харьков, 1966. – 19 с.

161 Шацкий Е. О. Русская православная церковь и сожжения [Электронный ресурс] / Е. О. Шацкий // Знаете ли вы? [научно-просветительский сайт]. – 2011. – Режим доступа: <http://scisne.net/a-152>.

162 Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium / гл. ред. С. Бурого. – Киев : Изд. дом Дмитрия Бурого, 1993. – №1. – С. 33–40.

163 Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009. – Вып. 2(28). – С. 63–67

164 Шулежкова С. Г. Заметки о языке писателей-старообрядцев: Дательный-самостоятельный в «Житии» протопопа Аввакума и старца Епифания / С. Г. Шулежкова // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск, 1979. – Вып. 9. – С. 53–61.

165 Шулежкова С. Г. Именные устойчивые словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума / С. Г. Шулежкова // Вопросы истории и диалектологии русского языка. – Челябинск, 1974. – Вып. 6. – С. 51–61.

166 Шулежкова С. Г. К истории сравнительных конструкций в «Житии» протопопа Аввакума / С. Г. Шулежкова // Становление грамматического и лексико-фразеологического строя русского языка. – Магнитогорск, 1993. – С. 30–39.

167 Шулежкова С. Г. Наречные устойчивые сочетания с временным значением в «Житии» протопопа Аввакума / С. Г. Шулежкова // Эволюция и предыстория языкового строя. – Горький, 1981. – С. 55–65.

168 Шулежкова С. Г. Устойчивые словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума / С. Г. Шулежкова // Труды СамГУ. Новая серия. Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1976. – Вып. 277. – С. 73–82.

169 Щедрин О. Г. Этнические особенности русского правосознания : дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / О. Г. Щедрин. – Ростов-на-Дону, 2004. – 201 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskie-osobennosti-russkogo-pravosoznaniya>.

170 Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: материалы к слов.-справ. Вып. 1 / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 212 с.

171 Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: материалы к слов.-справ. Вып. 2 / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 240 с.

172 Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: материалы к слов.-справ. Вып. 3 / редкол.: В. П. Киржаева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – 196 с.

173 Ягунова Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста:
дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Ягунова. – М., 2009. – 599 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Грамматические формы лексемы *отступник* в Житии и челобитных

П	Формы	Примеры
1	2	3
Им ед	отступник	<p>1 <i>в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя</i> (Ж, 67);</p> <p>2 <i>Симеон сибирской, – тогда добр был, а ныне учинился отступник</i> (ЖВ, 162)</p>
В	отступника	<p>1 <i>Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу</i> (ЖБ, 168);</p> <p>2 <i>на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика</i> (Ж, 120);</p> <p>3 <i>До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна</i> (Ж, 130);</p> <p>4 <i>Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу</i> (ЖБ, 168);</p> <p>5 <i>проклял отступника Никона с никоняны</i> (ЖВ, 188);</p> <p>6 <i>То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна</i> (ЧелАМ, 285)</p>
Им мн	отступники	<p>1 <i>после отступники удавили его, Феодора, на Мезени</i> (Ж, 120);</p> <p>2 <i>отступники на Москве в огне испекли</i> (Ж, 129);</p> <p>3 <i>Феодор был над ним юродивый приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили</i> (Ж, 147);</p> <p>4 <i>удавили его на виселице отступники у родни на Мезени</i> (ЖВ, 173);</p> <p>5 <i>И Лука Лаврентьевичь сын же мне был духовной, что на Мезени вместе с Феодором удавили те же отступники, на виселице повеса</i> (ЖВ, 174);</p> <p>6 <i>за что нас отступники прокляли и осудили на смерть</i> (ЖБ, 195);</p> <p>7 <i>Разумеешь ли сие: камень — Христос, а Сион — церковь, а блазнящиися похотолюбцы и вси отступницы, временных ради о вечном не брегут, просто молвить, — дьяволу волю творят, а о Христове повелении не радят</i> (ЖВ, 163)</p>

1	2	3
Р п	отступников	<p>1 <i>а отступников отрицаюся и клену</i> (Ж, 109);</p> <p>2 <i>паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая</i> (Ж, 136);</p> <p>3 <i>Слышите, возлюбленная чада церковная, преславное чудо и восхвалите Христа бога, прославляющаго прославляющих его, нечестивых же отступников посрамляюща дерзость</i> (Ж, 338)</p>
Д п	отступником	<p>1 <i>Мои, светы, вы все, князи и боляре, отступником до вас нет дела</i> (ЧелФА, 302);</p> <p>2 <i>Тако и здесь подобает быти в пещере сей ко отступникам о имени Исус Христове</i> (Ж, 341);</p>
Тв п	отступниками	<p>1 <i>А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил</i> (Ж, 120);</p> <p>2 <i>аще и умрети ми бог изволит, с отступниками не соединяюся!</i> (Ж, 133);</p> <p>3 <i>Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал</i> (ЧелАМ, 197).</p>

РЕЦЕНЗИЯ

на магистерскую диссертацию магистрантки 202 группы филологического факультета С. А. Ивановой «Вербализация средневекового правового сознания в Житии и эпистолярной протопопе Аввакума» (Саранск, 2017)

Представленная к защите магистерская диссертация С. А. Ивановой находится в рамках исследований современной отечественной лингвистики, уделяющих максимальное внимание кропотливой работе с языковым материалом. Без этого не могут быть адекватно выстроены ни популярные ныне работы историко-лингвистического характера, ни исследования, связанные с реконструкцией различных сторон русской языковой картины мира.

Избирая объектом своего изучения средневековое правовое сознание, магистрантка входит в проблемное поле целого ряда научных дисциплин – от собственно лексикографии, этимологии и морфологии до герменевтического подхода и метода полевого исследования, что позволяет говорить об осознанной установке магистрантки и ее руководителя на междисциплинарный характер проводимого исследования. Подчеркну особо, что эта междисциплинарность в совокупности с глубоко продуманными теоретико- и историко-лингвистическими подходами составляет сильную сторону квалификационной работы С. А. Ивановой.

Обозначив во Введении все необходимый набор квалификационных параметров работы, магистрантка четко и обоснованно определяет основную цель и задачи, методы и структуру своего исследования. Стройность и логичность последней наглядно свидетельствует о том, что автор не просто сумел проникнуть в суть изучаемой проблемы, но выстроил прозрачную схему функционирования правовой терминологии в Житии и эпистолярной протопопе Аввакума.

Представив в первой главе развернутый обзор по теории исследуемой проблемы, С. А. Иванова демонстрирует высокий уровень работы с научной литературой, адекватное понимание проблем современной лингвистики, умение корректно и при этом критически воспринимать позиции коллег-исследователей, формулировать на основании проведенного анализа собственные выводы. Здесь, на мой взгляд, выгодное отличие рецензируемой работы от значительного числа современных исследований, ограничивающихся, описанием и констатацией сделанного другими и не идущими дальше.

Аналитичностью отличается и вторая глава, демонстрирующая описание и анализ правовых коллизий, содержащихся в Житии и челобитных протопопе Аввакума, а также анализ отражения как церковного, так и светского законодательства XVII века в Житии.

Однако самой сильной стороной представленного сочинения является кропотливая работа автора с языковым материалом, результатом чего становится выявление и описание в третьей главе пяти ключевых терминов

права: отступничество, блядь, проклятие, лаяти, мятеж, - а также полевое исследование в четвертой главе.

На протяжении всего дипломного сочинения С. А. Иванова демонстрирует высокий уровень лингвистической и общепилологической подготовки. Работа написана хорошим научным языком.

Как и любое серьезное исследование, магистерское сочинение С. А. Ивановой не может не вызывать у рецензента вопросы и замечания:

1. Насколько оправданно появление в названии работы характеристики правосознание как средневекового, если в самой работе автор ограничивается исключительно работами протопопо Аввакума?

2. В работе заявлен полевой анализ ключевых терминов, однако из пяти терминов анализируется три. Чем объясняется данный выбор?

Данные вопросы и замечания не имеют принципиального характера и нисколько не снижают самого благоприятного впечатления от представленной работы.

Магистерское сочинение С. А. Ивановой представляет собой самостоятельную, законченную выпускную квалификационную работу, соответствующую всем предъявляемым требованиям, и заслуживает оценки «отлично». Более того, полагаю, что приведенные в ней материалы могли бы послужить основой серьезных научных публикаций и должны быть рекомендованы к внедрению в практике исторической лексикографии.

Рецензент:

к. пед. н, доцент

каф. русского языка как иностранного

Е.А. Дрянгина

ОТЗЫВ

на магистерскую диссертацию
студентки Ивановой Серафимы Александровны,
обучающейся по направлению подготовки 45.04.01 Филология,
на тему «Вербализация средневекового правового сознания в Житии и
эпистолярной протопопе Аввакума»

Вербализации правового сознания русского средневековья только начинает разрабатываться в историко-лингвистической науке. Ее антропоцентрическая направленность и междисциплинарность методологии, которая диктуется самим предметом исследования, лежащим в проблемном поле не только истории языка, но и истории государства и права, церкви, культуры, общественной психологии, обусловили **актуальность исследования.**

Магистерская диссертация С. А. Ивановой посвящена исследованию проблемы вербализации русского правосознания в сочинениях протопопы Аввакума, которые, несмотря на серьезный филологический интерес к ним, в этом аспекте еще не рассматривались, что позволяет говорить о научной новизне самой постановки проблемы. Отметим, что ее разработку С. А. Иванова проводит с 3-го курса бакалавриата.

Сформировавшиеся на этом этапе необходимые для научно-исследовательской работы компетенции позволили студентке самостоятельно выбрать тему магистерской диссертации, детализировав исследования собственно языковых средств вербализации и выйдя на уровень ключевой правовой терминологии.

Студентка самостоятельно избрала в источники исследования, кроме Жития Аввакума, его эпистолярных, что не только расширяет границы исследования, но позволяет говорить о большей достоверности его выводов. На наш взгляд, логичен и выбор полевой методики анализа для описания семантики анализируемых лексем. Это стало возможным благодаря изучению С. А. Ивановой точек зрения широкого круга научной литературы и реализации междисциплинарного подхода.

Заявленная тема полностью раскрыта в диссертации:

– проведенный в первой главе анализ научной литературы (монографии, диссертации, статьи, комментарии к изданиям Жития и писем Аввакума, исторические словари, своды законов конца XVI – XVII века, комментарии к законодательным актам – всего 173 использованных источников) позволил автору, во-первых, представить основные аспекты изучения исследуемых памятников письменности, во-вторых, проанализировать подходы к определению понятия «правовое сознание» и его изучению в различных областях гуманитаристики в синхронии и диахронии; в-третьих, описать характер изучения лексики и – уже – древнерусской правовой терминологии в семантическом аспекте;

– во второй главе автор раскрывает содержание такого средства вербализации правосознания, как отраженные в нарративе Жития и челобитных правовые коллизии и документы, сопоставляя их восприятие Аввакумом с трактовкой в законодательных актах середины XVII в.;

– в третьей главе автор представлено полевое исследование ключевой правовой лексики в Житии и челобитных.

С. А. Иванова демонстрирует хорошее знание основных и дополнительных источников, привлеченных для достижения поставленной цели, и сформированные компетенции в аналитической работе с ними. Ее отличают самостоятельность наблюдений и выводов, увлеченность предметом исследования, творческая заинтересованность.

Результаты ее работы прошли апробацию на Международных, Всероссийских, внутривузовских научных конференциях и семинарах (Москва, Санкт-Петербург, Саранск) и отражены в 8 публикациях.

Все это позволяет сделать вывод о ее готовности к самостоятельной профессиональной деятельности.

Магистерская диссертация С. А. Ивановой соответствует требованиям, предъявляемым к работам этого жанра, и рекомендуется к защите в ГЭК.

Руководитель работы
д-р пед. наук, профессор
18.06.2017

В. П. Киржаева